

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН

ФОНД ФРИДРИХА ЭБЕРТА

АБДУРАУФ ФИТРАТ

**РАССКАЗЫ
ИНДИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

(БУХАРА, КАК ОНА ЕСТЬ)

Перевод с персидского
А. Н. Кондратьева

Ташкент 2007

*Под редакцией доктора исторических наук, профессора
Д. А. АЛИМОВОЙ
Издатель : Р. Крумм
Текст подготовила к публикации – Ф.Ш. Шамукарамова*

Институт истории АН Республики Узбекистан выражает особую признательность представительству Фонда имени Фридриха Эберта в Узбекистане и лично господину Райнхарду Крумму, а также бюро представительства этого Фонда в Узбекистане во главе с госпожой Наилей Резяповой за помощь, оказанную при издании книги.

Фитрат Абдурауф.

Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть) / Пер. с персидского А. Н. Кондратьева. Под ред. проф. Д. А. Алимовой. – Ташкент 2007

Настоящая книга – переиздание известного труда Абдурауфа Фитрата, одного из основоположников движения джадидов в Бухаре, выдающегося представителя партии «младобухарцев», в увлекательной форме рассказывающего о политическом, социально-экономическом и культурном состоянии Бухары начала XX в. Впервые книга была издана в 1913 г. в Самарканде Махмудходжой Бехбуди.

Для историков, научных работников, краеведов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, всех, кого интересует история Узбекистана.

©"PATENT - PRESS", 2007

Абд-ур-Рауфъ.

РАЗСКАЗЫ

ИНДИЙСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

(БУХАРА, КАКЪ ОНА ЕСТЬ).

Переводъ съ персидскаго А. Н. КОНДРАТЬЕВА.

Издание Махмудъ-Ходжа Бекбуди.

Самаркандъ.

Типо-лит. Т-ва Б. Газаровъ и Н. Спѣиновъ.

1913.

НАПУТСТВИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Кому позволительно писать об истории государства? Исторiku, политику или журналисту? Если такое право дано одному из них, то какое гражданство он должен иметь? Должны ли авторы писать только о собственной стране? Можно ли вообще компетентно писать о чужой стране?

На все эти вопросы нет однозначного ответа. Но эти вопросы ведут нас к основной идее этой книги под названием «Рассказы индийского путешественника». Её автор Абдурауф Фитрат, известный в Узбекистане интеллигент и политик, живший в начале XX века, выбрал необычный писательский подход. Он пишет от лица индийского путешественника. Зачем? Разве рассказ индуса более достоверен, чем рассказ узбека? Или автор сам пожелал остаться неизвестным? Может быть, выступать с критикой в отношении государства – это привилегия одних лишь иностранцев?

Такой вид изложения уже известен истории. В подобном стиле в XVIII веке сочинил свои знаменитые «Персидские письма» Шарль Монтескье. По замыслу этого французского автора, двое персидских вельмож путешествуют по Франции и обсуждают политику, экономику и культуру тогдашней эпохи. Самое интересное заключается в том, что имя одного из этих вымышленных персидских персонажей – Узбек.

Сегодня можно строить догадки о том, что Фитрату была знакома эта книга и что именно она вдохновила его на мысль аналогичным образом написать о своих соотечественниках и даже обратить их внимание на собственные недостатки. Ведь Фитрат относился к поколению молодых людей, которые хотели реформировать свою страну. Причем реформировать не по чьей-то шаблонной подсказке, а по собственным идеям в сочетании с инициативными предложениями, исходящими от других стран.

Но в то время никто не воспринял его идеи, не говоря уже о том, чтобы реализовать их. Он был чужим для своей эпохи. Советская власть ненадолго воспользовалась им, чтобы впоследствии начать преследование, а затем в 1937 году арестовать и, наконец, убить в 1938 году в Ташкенте.

Независимый Узбекистан реабилитировал своего идейного реформатора из числа многих других, живших до нас. Фонд имени Фридриха Эберта гордится тем, что имеет честь совместно с Академией наук Республики Узбекистан вновь представить вниманию узбекского народа столь важное произведение, вышедшее из - под пера этого мудрого и мужественного человека, впервые изданное в 1913 году в городе Самарканде.

*Доктор РАЙНХАРД КРУММ,
Ташкент, май, 2007.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Выдающийся мыслитель XX века, просветитель, политический деятель, поэт, философ – так, я думаю, можно охарактеризовать Абдурауфа Фитрата, автора многих произведений, в том числе книги «Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть)». Как мог человек, родившийся в Бухаре в 1886 году, аккумулировать в себе такое количество знаний, чтобы, беспрдельно любя свою страну, свой город, увидеть все пороки общества, ставящие заслоны его развитию, увидеть это в ракурсе мирового развития, с точки зрения общечеловеческих гуманистических идей? Наверное, это действительно определяется истинной любовью к своему отечеству, беспрдельной жаждой знаний, отличавшей этого человека.

Фитрат продолжил дело Ахмада Дониша, основоположника бухарского джадидизма, осознавшего бедственное положение своей Родины и необходимости прорыва. Произведения Ахмада Дониша «Трактат об устройстве государства и взаимоотношениях людей» («Наводир ал-вокеа») и «Трактат по истории мангытских амиров» («Рисалаи тарих амирон мангит») – это по сути дела своеобразные программы, предлагающие реформы государства и общества, основанные на критике существующего строя с точки зрения состояния других развитых стран мира. Идейная сущность этих работ адекватна философскому миропониманию «Рассказов индийского путешественника» Абдурауфа Фитрата.

Книга «Рассказы индийского путешественника» – это не только политический трактат, но и увлекательное чтение, отражающее талант писателя. Книгу издал в 1913 году учитель и друг А. Фитрата Махмудходжа Бехбуди, считающийся признанным основателем туркестанского джадидизма. И это неспроста. Сам М. Бехбуди также критически относился к состоянию среднеазиатского общества и стоял у истоков национально-прогрессивного движения начала XX века, став руководителем борьбы за реформы, прогресс и обновление. Чтобы понять, как реформаторы оценивали реалии и на чем основывались их философские и практические идеи реформации, надо обратиться к их трудам. И прежде всего – к «Рассказам индийского путешественника» А. Фитрата.

Через все произведение красной линией проходит прошлое и настоящее Бухары: автор испытывает огромную гордость за первое и стыд за второе – за взяточничество на всех уровнях, бедственное положение народа, за необустроенность армии, за плохое состояние

образования, невежество, неправильное толкование ислама и многое другое. Конечно же, устами путешественника говорит сам Фитрат, как бы со стороны увидевший неприглядный быт и жизнь бухарцев, косность и невежество представителей духовенства, неправильно толкующих шариат и в целом исламские нормы поведения, что отрицательно влияло на все сферы жизни.

Бухара, «бывшая яркой звездой знаний, лучистой страницей книги человечества, – писал Фитрат, – погрязла в болоте невежества». И в этом он обвиняет бухарское духовенство, произвольно толковавшее аяты Корана по своему усмотрению. Его примеры из области состояния медицины, основанной не на общих канонах медицинской науки, а на каких-то выдуманных заклинаниях, управления краем, где нет никакой оплаты за службу и все зиждется на поборах с населения; судопроизводства, где справедливость определяется размером кармана истца, образования, в котором царствуют схоластика и бессмысленное зазубривание текстов, – представляют собой впечатляющие рассказы, рисующие, как писал сподвижник А. Фитрата Ф. Ходжаев, «странный и уродливый анахронизм» Бухары в начале XX века.

Горечь автора усиливает осознание того, что Бухара издавна была крупнейшим очагом образования. Она прославилась на весь мир как родина величайших людей науки, медиков, поэтов, мыслителей. И к 1911 году, ко времени написания книги Фитрата, в Бухаре было 200 медресе высшего, среднего и низшего звена. Он приводит названия 72 медресе высшего звена с общей суммой доходов от вакфа 3 776 000 танга. По тем временам это была огромная сумма, однако лишь меньшая часть этих средств шла на цели содержания медресе, а большая оседала в карманах управителей вакфов. «Бухара, подарившая миру более 400 известных ученых, имеющая высочайший научный потенциал, достигшая высших достижений в культуре, олицетворявшая собой обций дом ученого мира, аудиторию всеобщего просвещения, имевшая все средства для прогрессивного развития, превратилась в настоящее обиталище невежества, в невольницу нищеты и унижений», – восклицает Абдурауф Фитрат.

Через всю книгу проходит мысль о том, что в области науки и просвещения Европа многое взяла у Востока и достигла хороших результатов. Теперь, писал А. Фитрат, настала пора учиться у европейцев и использовать их технику и науку, чтобы поднять культуру производства, торговли, управления и других сфер жизни. Ведь

в Бухаре, отмечал он, производятся прекрасные ткани и ремесленные изделия, однако они вытесняются с рынка зарубежными товарами, созданными посредством машин и техники. Свои идеи Фитрат основывает на предписаниях Корана, не одобряющего отказ от достижений других народов только потому, что они исповедуют иную религию.

Произведение А. Фитрата стало ярким проявлением нового прочтения философского содержания ислама, правильного понимания его мирообъяснения и оценки роли человека в этом мире. Задача человека – не просто исполнять предписанные Кораном заветы, а стать хозяином своей земли, своей судьбы, – так толкует священную книгу Фитрат: «Человек по воле Корана – высшее существо, он может управлять землей и небом, преобразовывать их». Если горы, железо, земля преобразовываются человеком, то почему он не может преобразовать свою жизнь, а должен ждать милостей от правителя. Он толкует аяты Корана не как призыв к покорности судьбе, а как побуждение людей самим вершить свою судьбу. Прекрасный знаток Корана, А. Фитрат подтверждает свои размышления выдержками из него: «Чего бы человек ни достигал, он этого достигает желанием и усилием».

Как философ, А. Фитрат размышляет о том, какие огромные возможности Бог дает людям для разумного определения своей жизни. В данном случае, так же, как М. Бехбуди, Мунавваркары Абдурашидханов и многие другие джадиды, А. Фитрат выступает реформатором понимания сущности ислама и трактует его не как запрет на созидательную деятельность человека, а как призыв к ней. Более того, взгляды А. Фитрата, высказанные устами индийского путешественника, – это выражение религиозной и национальной толерантности, которая была присуща национальной интеллигенции как Бухары, так и Туркестана.

По Фитрату, развитие предпринимательства и торговли должно основываться на знаниях и единстве нации. Не соревнование друг с другом за большие заработки, а объединение средств для строительства фабрик, покупки оборудования будет способствовать промышленному и сельскохозяйственному развитию. Ведь Бухара так богата полезными ископаемыми – золотом, медью, железом, углем, маслом, восклицает автор. А главным условием прогресса он считает обучение детей предпринимательству и другим наукам. «Если бухарцы не будут пользоваться благами знания, данными Богом, богатством Бухары овладеют чужие люди, завладевшие страной, но имеющие знания. Построив свои фабрики и машины, они возьмут в

на службу, а дети наши будут вынуждены быть в подчинении». Совершенно очевидно, что здесь имел в виду Фитрат: экономическая отсталость приведет к экономической и политической зависимости от Российской империи.

Очень важно и то, что Абдурауф Фитрат не просто ограничивается критикой, а ищет причины упадка, размышляет о возможных путях преодоления кризиса. Ведь в прошлом Бухара, как часть Востока, дала миру лучшие образцы культуры и науки. В частности, он рассуждает о торговле, которая является вопросом жизни и смерти человечества, от развития которой зависит и развитие страны. В условиях колониализма, капиталистического производства, когда очень сложно выдержать конкуренцию, очень многое, по его мнению, зависит от образованности купцов. Речь здесь идет о коммерческом образовании, крайне необходимом для местных предпринимателей.

Рисуя образ молодого бухарца, собеседника индийского путешественника, А. Фитрат делает намёк на растущую молодую поросль Бухары, выражая надежду, что она будет способна изменить общество.

В 1913 году выход книги в свет произвел революцию в сознании людей не только Бухары, но и всей Центральной Азии. Она не потеряла своей актуальности и сейчас, став замечательным источником по истории Бухары начала XX века.

В переводе трактата на русский язык имеются некоторые неточности. Например, не мог А. Фитрат назвать Бахауддина Накибанда пророком. Вероятно, это неправильный перевод слова «хазрат», означающего «святой». Однако небольшие погрешности перевода не снижают того удовольствия, которое получит читатель от прочтения этой прекрасной книги, переиздаваемой с учетом правил современного русского языка.

*Профессор
ДИЛРОМ АЛИМОВА,
Ташкент, май, 2007 год*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет тому назад я встретил одного из жителей Бухары и спросил его про этот город; он наговорил столько похвал, что с того момента я стал считать посещение этого города для меня положительно необходимым и обязательным. В этом году мне представился благоприятный случай, и я поспешил привести в исполнение свой план. В дороге ничего, достойного упоминания, я не видел и, в конце концов, прибыл в этот город. Несколько месяцев я изучал Бухару и бухарцев и познакомился с большинством их дел. С полным прискорбием я могу сказать: бухарцы не одни принимают участие в общем упадке мусульманского мира, они тащат за собой в долину беспечности и другие мусульманские племена. Прежде чем начать разбор и описание этого путешествия, я хочу познакомить уважаемых читателей вкратце с тем мнением, которое я составил о Бухаре и бухарцах.

Все жители Бухары могут быть разделены на три категории: *ученые, правящие и жители*. Теперь я кратко расскажу о каждой из них.

Ученые (улемы)

Известно, что в древние времена Бухара давала много знаменитых ученых людей; ежедневно Буали, Фараби, Мухаммад ибн Измаил Бухарский и Улугбек «гоняли других по площади соревнования и поэтому благородную свою славу вешали на уши людей всего света»; около двухсот лет уже прошло, как бухарцы сбавили цену своей учености. После прибытия Мирза-хана Ширазского бухарские ученые стали заниматься только чтением написанных на полях книг объяснений слов. Мало-помалу они дошли в этих бесполезных занятиях до того, что совершенно забыли о названиях полезных наук. Прочие туркестанцы, получившие свое образование тоже в Бухаре, совместно с бухарцами упали в бездну глупости и нерадения. Следствием этого было то, что светлая звезда небес

цивилизации, блестящая страница книги человечества, то есть Туркестан, очутился в таком положении, о котором стыдно беседовать не только с друзьями, но и недругами. Эти люди, которые ныне не имеют понятия об истинных науках, 20 лет учатся сами, 20 следующих лет учат других и только после этого достигают должности муфтия; тут, считая арабские книги трудными, они вынуждены приняться за занятия по шариатским книгам, написанным по-персидски. Вот они заняли уже высокое и священное положение в Бухаре! Эта публика, решив, что дела Божьи должны зависеть от её мнения и цели, толкует стихи Корана в том смысле, как ей захочется и самостоятельно сплетает предания. Так, в своем месте я подробно напишу о том, как сами они совершают преступления, всякого рода притеснения и проступки и всегда готовы подвести под наказание несчастного простолюдина, назвав его за незначительную вину «кафиром» (неверным). Они делают все бухарские вакуфы, вопреки вакуфным условиям, лакомым куском для себя; а бедные жители, не имеющие никакого понятия о науках, все, что имеют, жертвуют им на учеников.

Правящие (эмиры)

Эта возмутительная партия, исключительно благодаря помощи слепого счастья достигнув разных должностей правления, с полным усердием попирает ногами имущество, жизнь, достоинство, честь и покой несчастных жителей. Общий состав этих могущественных (!) управителей пополняется из людей двух сословий, ни в кои времена не пользовавшихся ничьим доверием: первое – это необразованные сыновья правителей, во время пребывания своего отца у власти проводившие свою жизнь в различного рода глупостях и гадких поступках; их не коснулись никакие человеческие добродетели, даже они подчас неграмотны; вторые – это лавочники и торговцы, признающие за единственное благо обоих миров наиполнейшее наполнение своего желудка, а учение чему-либо считающие совершенно излишними обязанностями для людей. Многие из них очень странными способами достигают высоких

административных постов.

Все эти милые люди никогда не видали школы, никогда не слышали о законах управления. Они не знакомы с правилами и обычаями отдачи приказаний! Как прогрессирует нация? Как управляется их область? Как пополняется государственная казна! Все это им совершенно неинтересно! Какие обязанности управителя по отношению к населению? Какая у жителей перед правителем? Положительно, ни о чем подобном они не слыхали! Как только они получают в управление какую-нибудь область, то, считая указ Эмира об этом квитанцией на адский огонь или разрушительной грамотой на грабеж, отправляются со всеми своими подчиненными и друзьями в ту землю подобно войску несчастья и берут у несчастных жителей все, что захочет их душа, и в казну Эмира дают тоже только то, что сами пожелают. И никто не спрашивает у них о причинах такого моря поборов и капли передачи в эмирскую казну.

Жители

Эти несчастные никакой вины не имеют, они готовы ко всему; только один есть недостаток, это – «они не знают». Теперь удобно присоединить описание их положения к своей теме и начинать повествование.

* * *

Выйдя из вагона в Кагане, я положил свой багаж на фаэтон, сел сам и отправился в город Бухару. По дороге мои вещи осмотрели сборщики пошлины. Вскоре я подъехал к воротам города, и экипаж остановился; я спросил:

– Что такое?

Кто-то ответил:

– После заката солнца прошло четыре часа, поэтому ворота города заперли и никого не пускают входить.

Я сошел с экипажа и увидел, что много других людей, очевидно своевременно не попавших в город, окружили какого-то человека и просят его открыть ворота, а тот упорно

сопротивляется. В это время раздался громкий крик: «Дайте дорогу!». Люди миршаба, оттеснив народ, очистили дорогу и открыли ворота города; вижу, что два-три армянина на своем экипаже въехали в город, и ворота снова закрылись. Я подошел к привратнику и сказал ему:

– Брат! Армян ты пропустил, ничего не спросив, почему же нас, мусульман, не пропускаешь?

Привратник, ничего мне не ответив, ушел в другую сторону. Снова послышался громкий голос: «Дайте дорогу!». Отогнав опять народ, открыли ворота и пропустили несколько повозок с евреями. Я очень был огорчен этим обстоятельством и громким голосом произнес:

– О, господи! Чем провинились последователи Магомета?!

Один молодой человек с симпатичным, интеллигентным и умным лицом, подойдя ко мне сзади, ответил:

– Своей глупостью!

В этот момент открыли городские ворота, и один из тех армян, которые первыми проехали в город, выйдя из них, стал громко звать кого-то, как будто человека; вдруг откуда-то прибежала собака и стала ласкаться к армянину. Я догадался, что собака эта принадлежит армянину и осталась вне города; на пути хозяин заметил это и возвратился, чтобы впустить собаку в город. Взяв ее, армянин ушел, и ворота за ним снова закрыли.

Терпение мое истощилось, и я, оставив всех там, ушел и в великом сокрушении уснул в уголке какой-то чайханы. Проснувшись рано утром и подняв голову, я увидел множество спящих вокруг меня людей и догадался, что в эту ночь никого не впустили внутрь города.

Совершив омовение и намаз, я сел на повозку, положил свои вещи и сказал извозчику:

– Я впервые приехал в этот город и ничего не знаю; отвези меня в какой-нибудь караван-сарай.

Он ответил: «Хорошо», – и поехал.

Мы доехали до середины базара, и мой экипаж остановился; я, полагая, что мы приехали к месту назначения, взял свой багаж и стал сходить с повозки. Извозчик сказал:

– Мы еще не приехали.

- Так почему же ты остановился?
- Потому что навстречу тоже едут арбы.

Я сошел с фазтона и вижу, что две-три ломовые арбы и несколько фазтонов съехались в одном месте; против них стоят тоже несколько арб; дорога очень узкая и трудно разъехаться. Я спросил извозчика:

- Что же нужно делать?
- Нужно подать назад в какую-нибудь сторону до более широкого места все арбы.
- В которой же стороне есть широкая дорога?
- И в этой, и в другой стороне есть.
- Почему же стоящие против нас не осадят назад?
- Важничают!
- Тогда вы подвиньтесь назад!
- А нам разве нельзя поважничать?
- Ну вот! Вы важничаете и они важничают, а мы-то что должны делать?
- Посидите немного.

В это время поднялся сильный крик и гвалт; я, сказав: «Будь, что будет – надо посмотреть» и, оставив извозчика, прошел вперед и вижу, что два арбакеша, которые нечаянно встретились друг с другом, бранят один другого неприличными словами. Вдруг один из них, соскочив со своей арбы, бросился к другому и начал колотить его по голове; этот тоже спрыгнул с повозки и принялся бить того по лицу и голове обоими кулаками; все прочие извозчики и арбакеши бросились на помощь им с каждой стороны. В одно мгновение базар собрался вокруг них и поднялся крик: «Держи, бей!». Зрители с каждой стороны, попадая под ноги сражающимся, кричали еще сильнее. Я спросил у одного человека, стоявшего около меня:

- Брат, где люди управителя, чтобы разнять их?
- Тот, удивленный моим вопросом, отвечал:
- Какое дело до этого людям правителя?
- Ну, в таком случае, если людям управителя нет здесь дела, то я попробую убраться отсюда.

Я сказал это, думая вернуться к своему экипажу, сесть в него и повернуть обратно, но оказалось, что зрители совершенно загородили путь; поневоле с большими усилиями я

взобрался на уступ перед лавками и стал ожидать результата. После весьма сильной потасовки народ разнял борцов, и та сторона, которая оказалась побежденной, стала осаживать свои повозки до первого перекрестка, где и остановила их, а мы объехали их другой дорогой.

Наконец мой экипаж остановился у одного караван-сарая; хозяин его взял мои вещи и внес их в тесную и темную комнату. Оставив там свой багаж, я вышел, чтобы осмотреть город. Однако я был в очень затруднительном положении, потому что никого и ничего здесь не знал. Через два-три дня я очень стал скучать и, позвав однажды хозяина караван-сарая, сказал ему:

– Укажите мне какое-нибудь интересное место, чтобы я осмотрел его и развлекся.

– Ступайте к пруду Диван-беги.

Он указал мне дорогу, и я отправился.

Придя туда, я увидел, что пруд этот очень велик. Вокруг него выстроены парикмахерские и чайханы, а по краям самого пруда разостланы драные ковры, на которых сидит народ и пьет чай; я тоже сел там. Восточная сторона этого пруда представляет из себя возвышенную площадь; на ней выстроена большая мечеть, в которую собирается на молитву большинство жителей Бухары, и все они совершают омовение перед намазом в этом самом хаузе.

Несколько времени я сидел на берегу пруда; вижу – пришли два бухарских муллы и стали против меня; заметив незнакомое моё лицо, они время от времени поглядывали на меня. Так как одиночество грызло мое сердце, я подумал: «Немножко с ними поговорю», – и, сев против них, сказал приветствие.

Они ответили и протянули мне чашку чая. Когда я выпил, они спросили:

– Вы откуда?

– Из Индустана.

Затем, увлекшись собственным разговором, они забыли обо мне; однако я на этот раз сам спросил у одного из них:

– Вот уже несколько времени я вижу, что люди, наполнив большие турсуки водой из этого пруда, уносят их; где-

то опорожнив, снова приходят. Интересно, куда они носят столько воды?

- Разносят по домам жителей.
- Для чего?
- Для питья.
- Разве вы пьете воду из этого хауза?

Мулла с пренебрежением спросил:

- Что же случилось с этой водой?
- Эта вода вредна для вашего здоровья.
- *«Мы назначили воду, как жизнь, для всего»**, –

говорит Коран. Вода полезна для здоровья людей, а не вредна!

– Да, вода не вредна для здоровья людей, но вода этого пруда не совсем-то вода. Большая часть её – грязь.

- Почему же большая часть этой воды грязь?

– Посмотрите, столько людей совершают в нем омовение: полощут рот, сморкают нос, моют свои ноги, испачканные грязью. Если же сосчитать всевозможные отбросы из этих парикмахерских, чайхан и лавок продавцов бараньих голов и жареной рыбы, то ежедневно в этот пруд поступает приблизительно ½ мана** грязи.

– Какая цель этого вашего разговора? Может быть, вы хотите, чтобы мы больше не пили воды из этого пруда?

– Я не говорю, что не пейте этой воды. Не совершайте лишь в ней омовение, не сморкайте нос, не мойте грязных ног, не выбрасывайте в нее отбросы, так как вода этого пруда предназначена для питья и должна быть чистой.

В это время раздался звук азана, призыва на молитву, и я, встав, пошел в мечеть; после молитвы я направился домой. На дороге какой-то молодой человек, поравнявшись со мной, поздоровался; вижу – это тот самый юноша, с которым я встретился за воротами города; я ответил на его приветствие. Он сказал:

- Я очень признателен вам за ваш спор с тем муллой по

---

* *و جعلنا من الماء كل شيء حي*

** Ман – 8 пудов.

поводу воды этого хауза.

– Очень благодарен, – отвечал я. – Я, покорнейший ваш слуга, в этом городе являюсь пришельцем и никого не знаю; если вам не будет затруднительно, по временам заходите ко мне!»

– С превеликим удовольствием; вы где живете?

Я указал ему свою квартиру, и, попрощавшись, мы разошлись.

Придя домой, я спросил у хозяина караван-сарая, где еще есть интересное место в этом городе? Он отвечал:

– Завтра вторник, идите на мазар Багауддина.

Проведя ночь в своей комнате, я поднялся рано утром, прочитал намаз и уже хотел было выйти наружу, как раздался стук в дверь; я сказал: «Пожалуйста!».

Вошел вчерашний молодой человек вместе с каким-то другим и сказал:

– Я поведу вас к себе домой!

– Ваш покорный слуга, – отвечал я. – Сегодня имею намерение посетить Багауддина; если вы будете мне сопутствовать, я буду очень признателен.

– Конечно, пойду; но вам не стоит больше оставаться жить в этом караван-сараяе, мой дом к вашим услугам; отдайте свои вещи моему другу, он их доставит ко мне домой, а сами мы отправимся к Багауддину.

– Очень хорошо.

Передав вещи указанному человеку, я вместе со своим новым другом сел на извозчика и отправился. Прибыв к месту своего путешествия, мы отпустили извозчика и, пройдя еще немного пешком, очутились на большой площади, на которой выстроена новая соборная мечеть; перейдя площадь этой мечети, мы вошли через ворота в самое место паломничества и увидели следующее: обширный двор и в передней части его – могила Накшбанда*, народ по одному или по двое совершает религиозное хождение вокруг этой могилы. Я также обошел вокруг могилы (не для религиозного обхода, а только для того, чтобы быть осведомленным о том, что там происходит) и

---

* Прозвище Багауддина.

увидел, что около могилы в некоторых местах лежат собранные бараньи рога, в других повешены кисти из волос лошадиных хвостов. Ходжи, взяв за воротник деревенских паломников и приговаривая: «Иди на паломничество к рогам Пира!»^{**}, – заставляют целовать эти рога и за это берут с них деньги. Бедные простолюдины, с полной покорностью поцеловав эти рога, трут ими себя по глазам! В это время один из ходжей, взяв в руки кисть из лошадиного хвоста и сказав: «Совершай паломничество!», – помазал ею мне по лицу. Очень рассердившись, я сильно ударил его по уху и прошел дальше. Тут я заметил, что каждый из паломников, окончив обход могилы, прикасается своей головой к древку знамени, стоящего у мазара, тряс свои глаза этой палкой, и, плача, в продолжении пяти минут не отнимает головы от неё, как будто жалуясь этой сухой палке на свою горькую участь и прося у неё исполнения своих многолетних нужд.

Когда я вышел вон из этой мечети, то, по указанию моего друга, мы вошли в чайхану и сели; два или три бухарца, по-видимому, знакомые моего приятеля, подойдя, сели около нас. Мы стали вместе пить чай. Один из них, взглянув на меня, сказал:

- Как вы нашли этот мазар?
- Место очень прекрасное и достойное уважения из-за могилы святого Накшбанда. Только относительно паломничества к этому мазару в сердце ко мне закралось важное недоумение.
- Какое недоумение?
- Это что за палка, которую подняли над могилой?
- Это знамя мазара.
- Оно осталось от самого Багауддина?»
- Нет. Эта палка является указанием могилы святого. Время от времени её заменяют новой; она никакого отношения к Багауддину не имеет.
- Так зачем же народ поклоняется ей и молится?
- Поклонения не делают, а только, положив на нее

---

^{**} См. указатель.

голову, просят о своих нуждах.

– А разве это не поклонение?

– Это тоже поклонение, но поклонение не молитвенное, а просто из уважения, а это не грешно.

– Почему христиан вы называете кафирами?

– Потому что они идолопоклонники.

– Они имеют Священное Писание и последователи Мессии, они не идолопоклонники.

– Они поклоняются одной вещи, подобно идолу.

– Что же это такое?

Мой собеседник, вытащив из кармана перо и бумагу, нарисовал изображение креста и сказал:

– Вот это!

– А вы знаете, это что изображает?

– Идола.

– Во всем мире нет такого дурака, который бы, считая это бездушное изображение Богом, стал поклоняться ему. Христиане, все догматы религии, которые ясны и никогда и ни от кого не скрывались, вовсе не называют Богом эту вещь. Это изображение, названное вами идиолом, есть вид того предмета, который, по верованию христиан, после прикосновения к телу Пророка Иисуса, получил благословение. Поэтому общество христиан, сделав изображение его, поклоняется ему из уважения, поклонение их тоже из уважения, а вовсе не молитвенное. Неверные Мекки до явления Пророка тоже были идолопоклонниками; идола называли Богом и поклонялись ему, даже думали, что те идола в день Страшного Суда окажут им заступничество и стих Корана *«Они – заступники за нас у Бога»** есть доказательство этого. Разве возможно такое положение, что вы считаете других «кафирами», неверными за идолопоклонство и поклонение кресту, а сами, поклоняясь палке флага на мазарах, просите Багауддина о своих нуждах и себя считаете мусульманами.

«Боюсь, что не попадешь ты в Каабу, о, араб.

Так как дорога, по которой ты идешь, идет в

---

* (هؤلاء شفعاؤنا عند الله)

Туркестан»^{**}.

Совершать поклонение, или из уважения, или молитвенное – безразлично, в нашем шариате не дозволено никому, кроме Бога. Я вам немножко расскажу также из истории ислама:

– В то время, когда Пророк очутился в стесненном положении из-за жестокости меккских кафиров, он приказал своим «асхабам», последователям, бежать в Абиссинию; восемьдесят два мужчин и двадцать одна женщина, исполняя приказание, прибыли в город абиссинцев. Наджаши (эфиопский царь), получив известие об их прибытии, потребовал к себе исламских беглецов; когда они предстали перед царем, то не поклонились ему. Придворные были очень поражены этим и сказали им: «Наш обычай такой, что мы с уважением кланяемся своему царю; почему же вы не поклонились нашему государю?». Джафар ибн Абу-Талеб, брат Али, бывший среди них, ответил: «Мы, кроме Священной Особы Господа, никому другому не поклоняемся; наш Пророк запретил нам кланяться другим и приказал не кланяться никому, кроме Бога». Наджаши остался очень доволен ответом Джафара и сказал: «Клянусь Богом, что лучшие люди, на мой взгляд, те, которые не имеют позволения кланяться кому-либо другому, кроме Бога».

– Вы относительно Багауддина выказываете непочтительность! – заметил мой оппонент.

– Боже сохрани! Я никогда не был и не буду непочтительным по отношению к святым! Я не говорю, что святой Багауддин был плохой человек и чтобы никто не приходил посещать мазар его. Пророк сказал: *«Совершайте паломничество к могилам, потому что посещение могил напомнит Вам о том мире»*^{*}. Да, если паломничество к мазарам предпринимается с целью вспомнить о смерти и Страшном Суде, то это доброе дело, но разговор мой идет о том, что нельзя это уподоблять идолопоклонству. Посудите сами: на мазаре

---

^{**} Саади, Гулистан.

^{*} «زوروا القبور فإنها تذكركم الآخرة»

Багауддина читают молитву, поклоняются древку знамени этой могилы, просят Багауддина о своих нуждах; сегодня во всей Бухаре нет ни одного человека, который не произносил бы каждое мгновение вместо «О, Боже!» «О, Багауддин!». Ничто из вышеуказанного не согласно с мусульманским шариатом. Посмотрите, что изрек Пророк: *«Поразит Всевышний Бог евреев: они сделали могилы Пророков своих местом молитвы»*^{**}. Мы любим пророка Багауддина, почитаем его, совершаем паломничество, но не следует, чтобы эта наша любовь, почтение и паломничество, выйдя из границ шариата, сделали бы нас как бы поклонниками Багауддина!».

В это время какой-то человек, остановившись прямо на дороге против чайханы, где мы сидели, и, читая высоким голосом с неприятными жестами стихи, привлек на себя внимательные взгляды народа.

Я спросил у своего приятеля:

– Это кто такой?

– Это рассказчик; говорят, также и проповедник.

– Да ну?!! Проповедники – люди очень хорошие; они призывают мусульман на путь истины! Необходимо слушать их речи!

Мой друг, рассмеявшись, сказал:

– Если так, то послушайте!

Рассказчик смешным голосом начал свою повесть.

Но что это была за повесть!! Сам он своими движениями занятнее обезьяны!! Следов этого рассказа ни в одной порядочной книге нельзя встретить! Пустой, совершенно лишенный смысла, ложный, вызывающий хохот! Например, он говорил: «Пророк Али одним криком своим приводил в трепет шестнадцать фарсангов земли. Взяв за пояс «заблудившегося с немытым лицом», бросил к небу так, что он совершенно скрылся из глаз народа; через несколько времени явился, кувыркаясь в воздухе; затем опять протянув руку, взял его за пояс и, повернув вокруг головы, ударил о землю так, что тот

---

^{**} «قاتل الله اليهود اتخذوا قبور انبيائهم مساجد»

сделался мягким как сурьма».

Простодушный народ, слушая эти разглагольствования и представляя перед своими глазами Пророка Али, выказывал рассказчику одобрение и поощрение своими довольными улыбками.

Вдруг рассказчик, прервав рассказ наполовину (подобно деревянному козлу нищих, струнному инструменту персидскому), вскочил и начал прыгать. Он так прыгал и скакал, бил в ладони, кричал, ударял себя в грудь, бросал на землю свою чалму, что я сказал:

– Наверно, он сошел с ума!

Друг мой отвечал:

– Денег просит!

– Теперь, когда еще не кончил рассказ?!

– Да. Если же он будет просить денег, окончив рассказ, никто ему не даст; поэтому, остановившись на интересном месте, он и просит денег...

Сильно устав за целый день, я хорошо проспал эту ночь. Рано утром мой приятель разбудил меня; совершив намаз, мы сели завтракать; он спросил меня:

– Сегодня вы куда намерены отправиться?

– Если у вас есть свободное время, то проводите меня в медресе.

Он согласился; мы, одевшись, вышли и через несколько времени пришли в какое-то очень большое медресе; я попросил своего спутника рассказать мне о нем.

– Это медресе называется «Медресе Кукальташ»; в нем есть 140 комнат для студентов, зал для лекций, библиотека, мечеть, а также и общая кухня; в год оно имеет 150 000 тенег вакуфа; из этой суммы тысячу тенег дают на библиотеку, 24 000 берет себе мударис, а остальную сумму делят между собою имам, суфии, дворник, водонос, парикмахер и хозяева комнат.

Выйдя из этого медресе, мы отправились в другое, находящееся как раз напротив; приятель сказал:

– Это медресе называется «Медресе Диван-беги»; оно имеет 75 комнат и, как «Медресе Кукальташ», общую кухню, мечеть и зал для лекций; в год получает 150 000 тенег вакуфа, из которых 24 000 берет мударис, а остальное делится между

другими.

Я остался очень доволен этими словами моего приятеля и сказал с иронией:

– Слава Богу! Таким способом Бухара вполне сохранила свою честь!

Мой друг, на которого слова мои произвели впечатление, опечалился; он смотрел на меня так, как будто бы я трогал еще незажившую рану на его груди, и только говорил:

– Увы!! Да! – и едва сдерживал себя, чтобы не заплакать.

Я же снова с довольным видом продолжал:

– Справедливо, что считают за честь и счастье для всей области иметь такие большие медресе и столь обильные вакуфы. Мои наилучшие пожелания Бухаре и бухарцам, а также и студентам, которые приезжают учиться в Бухару!

Мой спутник снова расстроился моими словами и, чтобы скрыть это от меня, взял меня за руку и сказал:

– Пойдем!

Выйдя оттуда, мы в продолжение трех или четырех часов ходили по базару; лавки в этом городе все еще строятся по старому образцу; лишь на некоторых улицах выстроено несколько магазинов на западный манер. Торговля этой страны, хотя и не процветает так, как в цивилизованных государствах, однако до сего времени еще не ушла из рук туземцев. Если бы жители Бухары приложили бы немного старания к её улучшению, то могли бы стать очень богатыми...

Приближался закат солнца, и мы возвратились домой, чтобы отдохнуть после вечернего намаза. Двое из друзей моего спутника пришли тоже, наверно, для того, чтобы посмотреть на меня. После того, как нас познакомили, мы вступили в беседу, которая, между прочим, коснулась медресе; я сказал своему приятелю:

– Благодаря вашей любезности, сегодня я осмотрел некоторые медресе; очень вам признателен за это.

– Конечно, доставить вам удовольствие была моя обязанность; если вы пожелаете, завтра я опять покажу вам другие медресе.

– Благодарю вас; конечно, я надеюсь на вас; но мне нужно видеть все медресе Бухары, завтра пойдем в другое

место. Если же сегодня вечером вы дадите мне некоторые сведения о медресе, я буду очень вам благодарен.

Мой друг изъявил свое согласие, поставил чашку с чаем на землю и начал так:

– В Бухаре есть около 200 медресе, и все они разделяются на три категории: высшие, средние и низшие.

Высшие медресе

<i>Название медресе</i>	<i>Ежегодные вакуфы</i>	
	<i>Тенег</i>	<i>Рублей</i>
Кукальташ	150 000	22500
Джафар Ходжа	250 000	37500
Джуйбар	130 000	19500
Мир Араб	150 000	22500
Мухаммад Али Ходжи	150 000	22500
Турсунджан	140000	21 000
Диван-Беги	150 000	22 500
Гау Кушан	190 000	28 500
Абдул Азизхан (два медресе)	120 000	18 500
Мирза Улугбек	60 000	9 000
Гульбад	80 000	12 000
Ходжа парса	50 000	7 500
Ибрагим Ахунд	40 000	6 000
Фатхулла Кушбеги	80 000	12 000
Биби Халифа	50 000	7 500
Халифа Ниязкул	55 000	8 250
Мудда Мухаммад Шариф	60 000	9 000
Гарибийя	40000	6000
Хиабан	60 000	9 000
Джуйбарча	60 000	9 000
Абдуллахан	50 000	7 500
Модархан	40 000	6 000
Асири	40 000	6 000
Ходжа Нагал	50 000	7 500
Шадамбай	40 000	6 000

Дар-ушшифа	40 000	6 000
Чарбикр	70 000	10 500
Бадалбек	40 000	6 000
Ходжа Даулят	120 000	18 500
Мескин	60 000	9 000
Дамулла Шир	40 000	6 000
Дуст Чагра Акасы	40 000	6 000
Накиб	120 000	18 500
Всего	281 5000	422 250

Средние медресе

<i>Название медресе</i>	<i>Тенег</i>	<i>Рублей</i>
Хизр	25 000	3 750
Афган	15 000	2 250
Рахманкул	30 000	4 500
Уткур Кушбеги	25 000	3 750
Хусайнбай	30 000	4 500
Алимджан	20 000	3 000
Атолик	25 000	3 750
Исмаилходжа	30 000	4 500
Мадерхан (малое)	30 000	4 500
Рашид	25 000	3 750
Газиан	25 000	3 750
Грибанчак	30 000	4 500
Чучук айим	25 000	3 750
Шарафат бану	30 000	4 500
Накиб (малое)	25 000	3 750
Чубин калян (большое)	30 000	4 500
Балаи хауз	30 000	4 500
Мирджан Али	30 000	4 500
Аскарби	30 000	4 500
Садрби	25 000	3 750
Бадалбек кугна (старое)	25 000	3 750
Хафиз Кангарат	35 000	5 250

Искандархан	35 000	5 250
Чарбакали	22 000	3 300
Сартараш	30 000	4 500
Мирза Фазил	25 000	3 750
Тупчибаши	20 000	3 000
Сеид Камал	22 000	3 300
Абдул Шукурбай	20 000	3 000
Карбас	24 000	3 600
Чукур	30 000	4 500
Казилатиф	18 000	2 700
Бадруддин	16 000	2 400
Пашиман	22 000	3 300
Ирназар	35 000	5 250
Дамулла Хасан	15000	2 250
Ишани пир	16 000	2 400
Миркамал	14 000	2 100
Джурабек	12 000	1 800
Всего	961 000	144 150

Низших медресе более ста; вакуфы их колеблются от одной до пяти тысяч тенег, в среднем же общее количество их вакуфа равно 500 000 тенег. Начальных школ в Бухаре имеется более 300, и сверх всего этого одиннадцать следующих больших библиотек:

Название библиотеки	Годовой вакуф	
	Тенег	Рублей
Джафар Ходжа	18 000	2 700
Гау Кушан	5 000	750
Ходжа Нигал	8 000	1 200
Кукальташ	1 000	150
Абдул Азизхан	2 000	300
Мирза Улугбек	800	120
Бадалбек	800	120
Дарушшифа	3 000	450
Базари гусфанд	1 500	225

Баляи хауз	1 600	240
Джуйбар	1 400	210
Всего	43 100	6 465

В нашей Бухаре есть 20 больших кухмистерских, которые получают ежегодные вакуфы от 10 до 40 тысяч тенег, и 20 малых, получающих вакуфы от 4 до 9 тысяч; пять или шесть школ для чтения Корана, 40 домов для омовения, и каждое из этих учреждений получает очень значительный вакуф.

Здесь мой приятель внезапно замолчал. Я, будучи очень доволен этими всеми данными, поднял голову, собираясь похвалить Бухару и бухарцев, но когда взглянул на его лицо, решил промолчать, так как увидел, что он страшно рассержен и кровь от гнева прилила к его лицу, а глаза мечут огонь.

После продолжительного молчания, тяжело вздохнув, друг мой продолжал:

– Вот она, священная Бухара, воспитавшая 400 000 ученых людей и разославшая их во все концы мира. Раньше она была владычицей таких могучих научных сил. Теперь – увы!! К великому несчастью я сознаюсь, что это небо солнца образованности, этот рай мира человечества, этот благоустроенный дом наук мира, эта аудитория познаний для всего света при наличности всех вышеуказанных путей для прогресса стала страной, окруженной горами глупости и закованной в цепи презрения! Этот посредник жизни всего Востока при существовании всех этих средств к дальнейшей жизни допустил смерть схватить себя за шиворот! Что же удивительного?!! Все эти обители благ и постоянные огромные суммы денег сделались презренными домами нескольких не знающих Бога узурпаторов и привели в кипение котел подлости и испорченности небольшого общества обжор! Наши отцы прекрасно поняли смысл великого изречения: *«Разве равны между собою знающие и незнающие?»*^{*} и, вполне оценив степень важности изучения наук, устроили двести медресе и в каждом из них от 10 до 150 комнат; приняв во внимание

^{*} „هل يستوى الذين يعلمون والذين لا يعلمون“

ежедневный расход учителей и учеников, они назначили им ежегодный вакуф более чем в 4 000 000 тенег; этим они не ограничились и для необходимого студентам чтения учредили 11 библиотек, собрав в них все существовавшие в то время книги. Понимая, что знания и науки изо дня в день прогрессируют, они и библиотекам дали определенный вакуф для приобретения вновь выходящих книг и журналов в размере 40 000 тенег. Признавая важность науки чтения Корана, они, не довольствуясь одними медресе, учредили особые школы с определенным вакуфом. Нет никакого сомнения, что все это наши предки сделали для нас. А мы? Мы, дорогие их дети, при наличии всех этих полезных учреждений несчастны, необразованны, дики и бедны!! Медресе, другие школы, библиотеки – все у нас есть; но во всем своем городе мы не имеем ни одного серьезно образованного человека, который мог бы без ошибки прочесть и разъяснить нам не только страницу толкования Корана или Хадиса, но даже два-три простых арабских стиха!!! О, Господи!! Столько позора и бесчестия одному благородному племени!!!

Рыдания овладели моим другом и, чтобы скрыть их от меня, он замолчал, а через несколько времени продолжал дрожащим от слез голосом:

– Да, мы имеем 200 медресе, и им всем назначено более 4 000 000 вакуфа, который делится на две части: первая часть под именем платы за обучение попадает в карман усердия учащихся; вторая часть делится по комнатам, и эта часть безусловно должна считаться неотъемлемой собственностью бедных студентов; к несчастью, все комнаты в этих медресе считаются принадлежащими муфтиям, мударисам и другим властью имеющим лицам из улемов; на этом основании они же поглощают и весь годичный вакуф этих комнат, специально назначенный для студентов, а комнаты эти даже продают за внушительные суммы от 10 до 40 тысяч тенег. Единственное доброе дело их – это то, что они дают помещение бедным студентам, не взимая с них платы; но и это не для того, чтобы получить награду на небесах, а исключительно с целью соблюдения собственных выгод; во-первых, студенты, живущие в их помещениях, должны служить им подобно носильщикам

тяжестей; во-вторых, невзирая на ученость или глупость хозяина помещения, нужно читать за него лекцию, так как эти господа, сославшись на то, что имеют уроки на стороне, часто уходят и делаются мударисами, кроме этого, еще и в другом, большем медресе; в-третьих, сами эти студенты-бедняки из опасения, чтобы господин наставник не передал бы занимаемое помещение другим лицам, дают ему больше денег, уплачиваемых обыкновенно в начале учебного года за принятие в число студентов, и еще подносят кое-что в виде подарков.

Да! У нас есть и библиотеки! Но где же книги?! Все книги из этих библиотек взяли для чтения эти же ученые и присвоили их; опустошив же их помещения, имеющие свой ежегодный вакуф, отдают какому-нибудь сыну казия или муфтия, который еще не удостоен звания мудариса, то есть не имеет образования. Этот почтенный господин обращает в свою пользу годовой доход этой библиотеки, а само помещение сдает какому-нибудь бедному студенту на следующих условиях: во-первых, студент обязан постоянно давать уроки этому необразованному субъекту, чтобы в конце концов было признано за ним умение читать лекции и его назначили бы мударисом, и, во-вторых, служить ему круглые сутки.

У нас есть по крайней мере 300 начальных школ, но все они стали бесполезными учреждениями в руках необразованных учителей. О, Господи! Сколь удивительна эта страна! Ныне умные люди всего света для уничтожения воровства, невежества, дурных поступков и бедности учреждают школы, и когда в их городе открывается школа, то они в великой гордости готовы до неба добросить шапки радости. Мы же имеем более трехсот начальных школ, а наши ребяташки в школах этих учатся лишь воровать, безобразничать и нищенствовать.

Имеем специальные школы для обучения чтению Корана; но во всей Бухаре нет ни одного человека, который не произносил бы священного слова «Аллах» или «Авах» или «Аблах».

Наконец, это общество ученых, которое захватило в свои руки все пути к нашему благоденствию и повергло в пламя несчастья благополучие нашего существования, какие может дать нам знания? А вот какие:

из области законовещения: всякий, кто во время омовения высморкается пальцами своей левой руки или будет мыть ноги не с правой стороны, будет в продолжение семидесяти тысяч лет гореть в аду; всякий, кто хотя бы один раз не сделает приветствие кому-нибудь из улемов, будет кафиром; всякий, кто пройдет хотя один раз по той улице, которой когда-нибудь коснулась нога улема, без счета его грехов и без мучений будет пропущен в рай;

из области верований: на четвертом небе есть некий ангел, у которого семьдесят тысяч голов, у каждой головы семьдесят тысяч ртов, в каждом рту семьдесят тысяч языков и каждый язык может говорить на семидесяти тысячах наречий!

О, не знающий Бога!! Ты, проживая постоянно в Бухаре, ничего не знаешь о Самарканде; как же ты можешь рассказывать что-нибудь о четвертом небе!!

Увы!! Где мусульманская вера! Где эти прекрасные речи!! Где деревня и где деревья?!!

О, бедный народ! Все твои законные права отняты; ты тоже теперь приверженец узурпаторов! Кровь твою сосут, имущество твое пустили по ветру, под фундамент чести твоей и репутации подложили огонь, а ты не знаешь этого! Не только не знаешь и не понимаешь, но даже то общество знающих людей, которые, правильно поняв свою задачу, весьма ревностно принялись за улучшение твоего положения, желая из этих грандиозных зданий и огромных сумм, которые оставили твои предки для охраны твоей репутации, вновь извлекать пользу для тебя самого, – ты их называешь кафирами!! Горе, горе!!

Он поднял чашку чая, которую в начале разговора поставил на пол, выпил её и погрузился в глубокое и продолжительное молчание. Я понял, что пришла очередь поддерживать беседу; решив, что, во всяком случае, нужно хоть немного утешить беднягу, я начал:

– Действительно, положение Бухары и бухарцев достойно сожаления, и богомерзкие действия ваших улемов служат причиной духовного небытия этой нации; но, дорогой брат! Не нужно огорчаться, так как не одни только ваши ученые таковы; ведь улемы всего мусульманского мира в продолжение последних трехсот лет совершают такого же рода преступления.

До вчерашнего дня большинство ученых турок, татар, индусов и персов, подобно вашим, пили кровь своего угнетенного народа. Только те нации, раньше вас вникнув в положение дела и поскорее приложив старание к ниспровержению их пьедестала, в течение непродолжительного времени отделив действительно истинно ученых от мулл – поклонников собственного брюха, возложили первым на голову корону, а вторых попрали ногами.

Закон Божий таков: пока какой-нибудь народ согласует все свои дела и поступки с велениями Господа, всю жизнь свою будет проводить счастливо, благородно, спокойно и в довольстве; священный стих Корана *«Воистину, землю наследуют благочестивые рабы Божи»** есть указание на это. Но как только, охваченные сознанием своего покоя и счастья, они направят свои стопы в долину гордости и высокомерия и сойдут с пути истины и справедливости, тотчас же честь их заменится бесчестьем, покой – затруднениями, а величие – унижением. Стих Корана *«Воистину, Бог ничего не изменяет у людей, но сами они изменяют»*** есть доказательство этого. Когда же народ этот, потерявший свой путь, изнемогая под тяжестью невзгод и бедности, откроет глаза от сна беспечности и приложит все свои заботы и старания к тому, чтобы снова собрать вместе все, нужное для благоденствия, Всевышний Бог ниспешлет им лекарство от их болезни и возвратит все утраченные ими милости. Нужно благодарить Бога, если теперь являются добродетельные, усердные и серьезные юноши, подобно вам и вашим единомышленникам. Это обстоятельство служит важным доказательством пробуждения бухарцев. Справедливо условием прогресса каждой нации считают науку; вы же не имеете науки, но я с уверенностью могу сказать, что в настоящее время у вас в городе все, что служит для обучения, стоит на высокой ступени. Так, для того, чтобы необразованный народ стал ученым, нужны три вещи: деньги, школы и старание с трудом; слава Богу, ныне у вас в Бухаре медресе существуют,

---

* „ان الارض يرثها عبادى الصالحين“

** „ان الله لا يغير ما بقوم حتى يغيروا ما يانفهم“

деньги тоже есть, так как все эти вакуфы установлены для нужд обучения; старание и труд также есть, потому что население Бухары имеет большую склонность к изучению наук и всегда старается в этом. Одно лишь плохо, что способ расходования ваших денег неправилен и вакуфы ваших медресе не устроены. Реорганизация того и другого очень проста; я положительно могу утверждать, что справедливый Эмир, обладающий светлым разумом, и его визирь, боящийся Бога и благовоспитанный, могут прекрасно реорганизовать все это. В самом деле, вы должны благодарить Бога, потому что как только какой-нибудь справедливый Эмир и его сведущий визирь возьмутся за преобразование ваших медресе, в тот же самый день вы увидите открытыми в Бухаре пятьдесят высших школ, сто пятьдесят подготовительных и триста шестьдесят начальных.

Друг мой, ядовито усмехнувшись, сказал:

– Насколько вы придерживаетесь хорошего мнения относительно этого народа, настолько я – дурного; сколько питаете вы надежд на него, настолько я не жду от него ничего; это – народ, который, в то время как у него отняли все права, считает достоинством класть свою голову под ноги похитителям; народ, который, упав вниз головою в темный колодец невежества и небытия, называет своих избавителей кафирами; какая же может быть на него надежда и какие хорошие результаты может он дать?

– Молчите! Что вы говорите? Ей Богу, гораздо больше будет ущерба для народа от этого вашего разочарования в нем, чем от тех насилий, которые в течение двухсот лет учиняются лицами, захватившими в свои руки все права. Для вас нет другого средства, как твердость и стойкость; нация, которая в настоящее время, кроме постоянства и непоколебимости, ничего не имеет, впоследствии что-нибудь да будет иметь, а нация, обладающая чем угодно, кроме вышеуказанных двух качеств, потеряет и то, что имеет; одна только непреклонность может реорганизовать целый большой народ; для реорганизаторов нет лучшего вспомогательного средства, как надежность народа. Неустойчивость же и колебание есть смертельный яд, который, попав на волю народа, вызовет дым уничтожения его. Этот мой

разговор очень вас расстраивает; лучше будет, если мы изберем другую тему для разговора. Брат! Этот мир, в котором живем мы, очень стар и имеет за собою много веков, и каждый век имеет свой оттенок. Вот, например, Европа, все новым и новым изобретениям и талантам которой мы теперь удивляемся. Прежде, в начале средних веков, она была в положении гораздо худшем, чем наше теперешнее положение: народ был необразован и угнетен, правители и духовенство – тираны; каждый из высших духовных лиц становился владельцем большого количества земли, поднимал особый флаг и чеканил монету; некоторые из них забирали в свою собственность землю целой страны; правительственные чиновники не могли приходить к ним для сбора податей, равно как и не смели явиться на их землю для того, чтобы взять какого-нибудь бежавшего преступника или убийцу; согласие свое на прощение грехов преступников продавали за деньги или за куски земли. Если же кто-нибудь причинял кому-либо из духовных лиц что-нибудь дурное или оскорблял, его отлучали от церкви и объявляли: «Согласно власти, данной нам высшими лицами, мы отлучаем от церкви этого человека; после этого необходимо, чтобы по всем городам, полям и домам его проклинали и чтобы ни один христианин с ним не разговаривал, не вкушал пищи и никто из монахов не молился за него»... Так, они ничего не оставляли без внимания своего и даже на дела правления накладывали свою руку; короли и императоры того времени считали себя бедными и униженными детьми церкви, никто из государей не осмеливался выйти из повиновения папам; если же кто-либо из королей предпринимал что-нибудь без согласия папы, тотчас же его отлучали от церкви. Таким образом один из пап, по имени Григорий VII, отлучил от церкви Генриха IV, правителя германского, исключительно за то, что тот начинал свои дела без согласия папы; этим он очень унизил и обесчестил этого несчастного; кончилось тем, что вышеупомянутый государь в зимнее время в течение трех дней с обнаженной головой и босыми ногами сидел у дверей папы, выражая свое сокрушение и раскаяние. Тот отпустил ему его грехи (в 1077 г.). Вне сомнения, что эти дикие поступки, бесстыдные и безбожные, противные всем законам Божеским и человеческим, не могут

остаться на долгое время; конечно, когда-нибудь милость Божия, старание и решимость человеческая, взволновавшись подобно морю, подмоют их основание и фундамент. Таким же образом недолго существовали и подобные дела вышеупомянутых пап; в начале X века в некоторых пунктах Европы стали образовываться редкие оппозиционные папам общества; они в XII веке, распространяясь и разветвляясь повсюду, начали поход против своего духовенства. Эти протестантские общества, переведя Евангелие на народный язык, побуждали население читать его, все же действия, противные Евангелию, они осуждали.

Члены этих обществ говорили: «Если наше духовенство составляют люди истинно ученые и наместники Мессии, то зачем же они собирают вокруг себя столько имущества мирского? Истинно духовные люди и наместники Христа не должны быть столь сребролюбивыми, а обязаны довольствоваться глотком воды и куском хлеба; не должны, указывая нам оставить мир, сами прикарманивать наше имущество под именем дара или посвященной вещи или же платы за отпущение грехов. Мы тоже рабы Божии; если у нас случится какой-нибудь грех, нужно принести покаяние перед престол Божий и просить прощение за него тоже пред престолом Господа. Почему же мы должны, принеся свои грехи к Богу, просить прощение у папы и за отпущение греха платить деньги этим почтенным господам?!».

Эти протестантские общества в скором времени завоевали себе расположение и получили прекрасные результаты от своей деятельности; во многих пунктах Европы они привлекли на свою сторону и духовных лиц. Причинами этих успехов и побед было то, что, во-первых, они все свои догматы писали на безыскусственном и ясном языке и показывали народу; во-вторых, не признавали пап, пока не были принуждаемы силой к этому или не заставляла сделать это необходимость, а наоборот, всегда и во всех случаях разъясняли народу грехи пап.

Еще одно обстоятельство помогло этому обществу «сопротивляющихся» – это «война народов Креста». Впервые эта война поднялась в 1090 году и возобновлялась несколько раз

до 1492 года. Европа вела эти войны с мусульманами, чтобы отнять «Святую землю». Европейцы, соприкасаясь с мусульманами во время этих войн, получили большую пользу как в материальном отношении, так и в духовном.

Карл Сеньобос, один из профессоров французского университета, так говорит об этом: «В одиннадцатом веке Европа и мусульманский мир были совершенно противоположны одно другому: города Европы маленькие и жалкие, деревни её, состоящие из лачуг, совершенно разрушены; никто не мог проехать десяти фарсангов пути из боязни быть убитым в дороге; мусульманский же мир был обладателем таких цветущих городов, как в Багдаде, Сирии, Египте и Испании, мраморных дворцов, усовершенствованных фабрик, школ, знаменитых медресе и богатых базаров; его степи показывали зрителю шаг за шагом новые города, пажити – собранный урожай; от крайней Испании до границ Туркестана постоянно двигались торговые караваны; европейцы, прославляя культуру мусульман от чистого сердца, приезжали к ним в города для приобретения научных знаний и получали их. Европейцы двинулись вперед по пути прогресса благодаря соприкосновению с мусульманами.

Вот то, что заимствовали европейцы от мусульман:

1) из области земледелия – зеленую пшеницу, шафран, тутовое дерево, рис, финиковую пальму, лимон, вату, кофе и сахарный тростник;

2) из предметов роскоши – тонкие сирийские материи, парчу, стекло, зеркала, бумагу и разные сладости;

3) из области науки и знаний – алгебру, цифры, тригонометрию, химию и способ счисления.

Мусульмане, собрав науки и знания от греков, персов, индийцев и китайцев и прибавив к этому многое от себя, в конце концов все это передали европейцам».

Таково мнение одного великого французского профессора об успехах Ислама! Теперь обратите внимание на то, что европейцы, по их собственному взгляду и мнению, начала прогресса заимствовали у мусульман; к великому же нашему несчастью, если мы сделаем хоть одно движение, чтобы возвратить обратно потерянную нашу культуру и цивилизацию,

наши улемы тотчас скажут: «Ты стал кафиром», – и начнут нам мешать.

Возвращаясь к своей теме: как я уже имел честь доложить, войны народов Креста оказали большую поддержку противникам старого режима и сделали большую часть населения их единомышленниками.

После того, как европейцы увидели удивительную культуру и цивилизацию жителей мусульманских стран, они сразу были очарованы ими и в виде протеста стали поступать в багдадские, египетские и испанские медресе, изучать науки под руководством мусульманских мударисов, совершенно не обращая внимания на запрещения пап. Папы же, как только увидели, что жители Европы, отправляясь в мусульманские города и изучая там науки, становятся единомышленниками их противников, а папские слова считают пустыми и бессмысленными, поневоле должны были ради устрашения их ввести некоторые новые постановления: всякого, кто выскажет папам противоречие или будет отрицать их превосходство, кто будет обучаться в мусульманских городах, кто, даже если по неосторожности, в пятницу оденет новое платье, немедленно приказывали считать неверным, били, заключали в тюрьму, убивали, жгли на огне. Но в конце концов папы были совершенно побеждены и передали бразды правления своим противникам.

Те два гостя, которые пришли, чтобы увидеть меня, подтвердили мои слова; затем еще около часа мы беседовали на другие темы, а затем гости попросили разрешения удалиться; проводив гостей, мы легли спать.

На другой день мой приятель повел меня посмотреть солдат. Положение солдат в Бухаре вызывает сильное удивление: в цивилизованных государствах срок военной службы – два или три года, а в Бухаре военная служба не священная обязанность, а наказание за преступление; бухарские солдаты находятся в полном презрении, неуважении и унижении; срок их службы – пожизненный; вора и убийцу в этой стране вместо того, чтобы арестовать, изгнать или казнить, сдают в солдаты и, назначив ему на всю жизнь ежемесячное жалование в размере 20 тенег, заботятся о нем; а этот господин,

после того как станет солдатом, ворует еще больше. Это по двум причинам: во-первых, он до поступления в солдаты половину каждых суток работал за плату по пять тенег в день; таким образом он мог заработать в месяц сто пятьдесят тенег и свободное время провести приятно; после же того, как он попал на военную службу, стал получать всего 20 тенег в месяц и не имеет возможности заняться другой работой; во-вторых, для того человека, который прежде не веровал и боялся военной службы, после того, как сам он сделается солдатом, не будет никого лучше вора. Кроме вышеуказанного способа набора солдат, есть еще один, худший, чем первый: какой-нибудь офицер или юзбаши, пожелав стянуть с кого либо деньги, призывает к себе этого несчастного и говорит ему: «Ты старый солдат и когда-то бежал со службы Эмира, а теперь попался мне; необходимо тебя снова взять в солдаты». Тот бедняк говорит, что «я во всю свою жизнь не служил на военной службе и не умею даже стрелять из мултука». Офицер возражает: «Ты поступаешь незаконно; я знаю, что ты старый солдат, а то, что ты не умеешь стрелять из мултука ровно ничего не значит, так как и все остальные солдаты мои тоже не умеют». Бедняк, сколько ни кричит, что «не лгите, я никогда не был солдатом, вы теперь и имени-то моего не знаете, а откуда узнали, что я был солдатом» – все напрасно: он должен или согласиться идти в солдаты или дать 3 000 тенег господину офицеру в виде подарка и таким образом освободить свой ворот.

Посмотрев на солдат, мы отправились осматривать улицы и базар. После второго намаза (то есть после полудня) спутник мой сказал:

– Сегодня ко мне должен прийти один из бухарских мударисов; нам нужно поскорее возвратиться домой.

Погуляв еще немного, мы возвратились домой и до следующего намаза сидели, ожидая мудариса. Вскоре после намаза господин мударис с полной торжественностью изволили прибыть; друг мой вышел его встретить до дверей дома; мударис вошел в дом и, пройдя на переднее место, сел и прочитал «фатиху». Хозяин обратился к нему с приветствием: «Добро пожаловать», – и спросил, как он поживает?

Тот ответил, а затем, взглянув на меня, сказал:

– Этот человек откуда?

Друг мой отвечал:

– Этот человек из индийских мусульман; сюда прибыл ради путешествия, и я пригласил его к себе в гости.

Мударис ответил ему: «Очень хорошо», – и, обращаясь на этот раз прямо ко мне, спросил:

– Вы из какого именно места Индустана?

– Из Дели.

– В Дели как поставлено образование?

– Хорошо. Жители Дели имеют большую склонность к учению.

– Есть ли у вас такие хорошие мударисы, как в Бухаре?

– Я не знаю бухарских мударисов, также ничего не знаю относительно их; в Дели же есть мударисы очень ученые.

– В Бухаре есть также очень много великих ученых.

– Конечно, необходимо, чтобы в Бухаре были ученые очень образованные, так как все мусульмане считают этот город центром науки.

– Вы тоже получили образование?

– Немного изучал арабскую этимологию и синтаксис.

– Сколько же именно вы изучали?

– Настолько изучил, что могу говорить по-арабски.

– Так вы можете говорить по-арабски?!!

– Насколько это бывает нужно, могу.

В это время хозяин дома принес угощение для мудариса; он же, исключительно для того, чтобы испытать меня, сказал по-арабски:

– Ешь!

Я взял кусок хлеба и съел; мударис, засмеявшись, сказал:

– Вы сказали, что умеете говорить по-арабски?

– Да, умею.

– Так почему же, когда я сказал Вам по-арабски, вы ничего не сказали?

– Вы сказали мне «ешь»! Я взял хлеб и съел, говорить же ничего не нужно было, потому что...

– Ха-ха-ха! Это одна из дурных привычек людей! Когда человек немного попутешествует, увидит два-три города, то

начинает так врать, что вызывает смех у других. Господин ученый! Разговаривать по-арабски – дело очень нелегкое! Мы, отбросив спокойствие в сторону, в продолжение двадцати лет прилагаем усилия; а затем во всю свою жизнь, не сказав никому ни одного слова по-арабски, уходим из этого мира; вы же, слегка изучив арабскую грамматику, хотите говорить по-арабски!

– Господин мударис! Если бы вы, в продолжение тысячи лет прилагая все старания, все-таки не изучили арабского языка – это неважно; но я в течение трех-четырех лет изучил его лучше, чем вы»!

– Неправду говорите!

– Если я и говорил когда-нибудь неправду, то столько бесполезной лжи никогда не говорил. Если же вы не верите моим словам, то вот я вам скажу и по-арабски: *«Кайфа ахвалу сайиди-на; ля'алляга макрунатун би-камяль-иль-афияти ва тамам ус-саляммати; сайиди кунту атуку мунзу азманин аташаррафу би-хазрати-джанаби-кум иль-муаввалю аляйхи филь-мухаммати-валь-мустазау бинайирати райихи, фи даадж аль-муламмати; ва лякин аль-машагилю таманна-ани аниль истифазати биль макам аль лязи астадиму ярагу»*.

(Как здоровье нашего господина? Надеюсь, что оно в совершенном благополучии и в полном благоденствии. Господин мой! С некоторых пор у меня явилось желание отправиться к вам, чтобы найти облегчение от своих забот и просветление из тьмы несчастий от вашего светлого разума; но дела не позволили мне получить это удовольствие в той степени, как я желал бы).

– Постойте, постойте!!

– *Лима та'амуруни биттавакуфи?*

(Почему вы приказываете мне остановиться?).

– Теперь я вижу, что вы знаете по-арабски.

– *Аруджу мин инаятикум ал-алияти ан тасмауни са'атан вагидатан!*

(Прошу вашей высокой милости послушать меня еще немножко!).

– Да будет проклята могила отца того человека, который после этого спросит вас что-нибудь об арабском языке! Что это

за бесстыдство!! Я тоже учился! Я тоже знаю арабский язык!! Я говорю: подождите немного, потом опять скажите по-арабски!...

– Что желаете?

– То самое, что вы говорили уже по-арабски, повторите еще раз.

– *Кайфа ахвалу сайиди-на? Ма'алляга макрунатун-бикамьяль-иль афияти ва тамам ус-саламати...*

– Стойте, стойте!

– Что опять случилось?

– Брат! Такое количество арабских фраз понять сразу очень трудно; говорите понемножку, чтобы я мог разобраться.

– Очень хорошо! Разбирайтесь!

Мударис стал разбирать сказанное мною следующим образом:

– «*Кайфа ахвалу сайиди-на*»..., «*ахвалу сайиди-на*»; «*ахвалу*» – подлежащее, «*сайиди*» – определение к слову «*ахвали*», «*на*» – определение к слову «*сайиди*»; все значит: «Как здоровье нашего господина»... «*Ля алляга макрунатун бикамьяль-иль афияти ва тамам ус-саламати*»; «*алиф-лям*» – член определенный в словах «*аль афияти*» и «*ас-саламат*». Член определенный бывает четырех видов: родовой, общий, указательный и определительный; он не указательный и не определительный; если был бы общий, то слова «*камаль*» и «*темам*» излишни, значит, этот член будет родовой.

Разобрав до сих пор, он посмотрел на меня и сказал:

– Теперь говорите дальше!

– *Сайиди, кунту атуку мунзу азманин аташаррафу би-хазрати джана...*

– Стойте, стойте!!

– Нет вы постойте, я окончу свою фразу: «*хазрати джанаби-кум иль муаввалю аляйхи филь-мухиммати*». Теперь переводите ее.

– «*Сайиди кунту атуку*».... Это «*атуку*» что значит? Какой смысл имеет? Глагол?... Имя?... Тут он посмотрел на хозяина дома и сказал:

– Брат мой! У вас есть книга «Гияс-уль-лугат»?

– Да, есть; но третьего дня у меня ее взял сосед и еще не принес.

– Если вам не трудно будет, сходите и принесите ее.

– Господин мударис, – сказал я, – что вы желаете? Мы каждую ночь успеваем переговорить о многом, а в эту ночь вы, без всякой видимой пользы, и нас и себя совершенно утомили.

– Отчего вы устали? Давайте переведем сказанное вами, будем беседовать!

– Пропади совсем этот перевод! Будь проклята эта беседа! Я сказал вам каких-нибудь двадцать арабских слов; чтобы понять десять из них, вы убили два часа времени. Теперь хотите, чтобы этот бедняга притащил вам от соседа «Гияс-уль-лугат», чтобы найти значение слова «атуку». Довольно, прекратим этот разговор! Если же вы желаете, давайте говорить по-персидски, иначе вы меня совсем замучите».

– Хорошо, будем говорить по-персидски. Вы осматривали бухарские медресе?

– Да. В Бухаре есть много прекрасных медресе, но какая в них польза, если улемы извлекают выгоды из них путями беззакония.

– Каким образом?!

– Вот каким: ваши отцы устроили эти медресе и назначили вакуфы специально для бедных студентов; теперь же каждый из власть имеющих и богатых ученых, присвоив себе некоторые из этих комнат, забирают в свой карман и вакуфы их, а неимущие студенты, настоящие-то хозяева их, питаются сухим хлебом и холодной водой, учатся, приютившись где-нибудь в углу мечети. Эти дела бухарских ученых очень далеки от богобоязненных.

– Ох! Эта печаль и вас коснулась! Но это все глупости; до сего времени никто ничего подобного не видел; несколько глупых людей напели в уши народу про это. На самом же деле студенты учатся в своих комнатах, а до вакуфов им нет никакого дела!

– Ваши рассуждения прекрасны! Несчастные студенты сидят в презрении и унижении по углам мечетей, довольствуясь сухим хлебом и водой; а вы забрались в их комнаты, расходуете принадлежащие им вакуфы на вкусный плов и шашлык и, если кто-нибудь узнает об этих ваших фокусах, то вы говорите: «Студенты учатся в своих комнатах, а до вакуфов им нет

никакого дела!». Браво!

– Собственно говоря, какая цель этого вашего разговора?

– Цель моя та, чтобы доказать, что комнаты в медресе принадлежат только студентам, и ваша торговля ими незаконна.

– Э! Не считайте нас такими глупыми! Мы тоже знаем, что незаконно торговать комнатами в медресе.

– Так зачем же вы присвоили себе эти комнаты? Зачем постоянно стремитесь продать их другому лицу? Почему вакуфы их не отдаете студентам?

– Мы никогда не продаем и не покупаем вакуфных комнат.

– Так эти комнаты, которые вы продаете за десять, двадцать, сорок тысяч тенег, чьим отцам принадлежат?

– Мы не продаем комнаты, а только их лестницы и лоханки.

– Прекрасно! Разумно! Хвала вашей догадливости! Это ваше заявление не имеет никакого значения с точки зрения закона. Вы говорите, что продаете только лестницы и лоханки, так и заставляете писать в документах казия; на самом же деле продаете комнаты, то есть то, что заставляете писать в официальных документах, есть ложь, чему есть несколько доказательств: во-первых, в какой уголок земли вы не пойдете, цена лестницы и лоханки нигде не превысит двадцати тенег; во-вторых, вы, прежде чем заключить условие, осматриваете комнату; если понравится, приказываете писать договор и затем, возвратясь к себе домой, не скажете, что я сегодня купил лестницу и лохан, а прямо заявите, что купили комнату. Каждое из этих двух положений доказывает, что вы в действительности торгуете вакуфными «худжрами»; на этом основании те хитрости, которые вы употребляете в законном договоре, не пригодны ни к чему, так как мусульманский шариат считается с намерением и не признает различных объяснений.

– Мы употребляем законные хитрости.

– Да, ваши дела – дела хитрости и обмана, но вовсе не законные.

– Хитрость тоже законна.

– Молчите! Наш шариат не признает уловок и уверток в

делах подобного рода, считается только с «намерением». Я не слепой, как вы, и слепо не говорю; вот Коран и вот Хадис: *«Вы хоть обнаруживайте свои намерения, хоть скрывайте их, Всевышний Бог по смыслу этих намерений сделает вам расчет и возмездие»*^{*} или *«Не накажет вас Господь за эти слова, которые сошли с вашего языка, а накажет вас согласно тому, какие у вас были попытки и намерения»*^{**}. Священный Хадис тоже говорит: *«Дела без намерения не достойны уважения»*^{***}, и это вам нужно слушать. Вот эти стихи Корана и Хадиса уяснили нам скрытое ваше желание. Но так как вы, бухарские улемы, не уважаете мусульманский шариат, то я вам приведу простое рассуждение: вы изволили сказать, что мы-де не продаем сами комнаты, а только лестницы и лоханки; на это я возражу вам, что в таком случае я не предъявляю к вам никакой претензии, но только вы все комнаты и вакуфы, которые есть неотъемлемая собственность бедных студентов, передайте им, а свои лестницы и лоханки уберите оттуда совершенно.

– Превосходно!! Вы, милостивый государь, придя, не знаю, из какого-то угла Божьего мира, даете наставления бухарским улемам! Дай Бог! «Намерение» ваше благое. Но я тоже дам вам одно наставление: вы, чужестранец, не ввязывайтесь в эти бесполезные для вас дела; бухарские ученые сами знают лучше вас свои дела. Пора спать; принесите мне фонарь, и я пойду.

Хозяин дома принес фонарь; мударис, взяв его и с гневом сказав «Бог – прибежище»^{****}, ушел. Мы легли спать.

На следующий день я поднялся рано утром. Это был канун месяца Рамазана. Весь народ был занят уборкой своих лавок; всякий готовился к Рамазану: один думал о том, в какую мечеть идти на чтение Корана, другой – о том, с какой мечети взять пример в этом чтении. Улицы и базары представляли

^{*} «وان تبدوا ما فى انفسكم او تخفوه يحاسبكم به الله»

^{**} «ولا يؤاخذكم الله باللغو فى ايمانكم ولكن يؤاخذكم بما كسبت قلوبكم»

^{***} «انما الاعمال بالنيات»

^{****} *Равносильно нашему «прощайте».*

веселый вид. Весь народ от одной только мысли, что наступающий месяц есть месяц молитвы, выказывал большую радость.

В первую ночь при звуках литавр с крыши цитадели Эмира возвестили народу о наступлении Рамазана. Жители этого города считают Рамазан большим праздником; лавки до полудня не открывают; после же полудня торгуют только до намаза «аср»; после этого, совершив омовение, идут к хаузу Диван-беги, читают там молитву и расходятся по домам разговляться. Разговорившись, все возвращаются в свои лавки и сидят там до полуночи. Всю ночь по обеим сторонам улиц горят лампы и свечи, и народ толпами весело ходит туда и сюда...

Весь месяц Рамазан я провел в разных делах. На второй день праздника я захворал, у меня сделался сильный жар, и я попросил своего друга пригласить для меня доктора. Он позвал одного из бухарских докторов. Этот, пощупав мой пульс, сказал:

– Принесите ко мне в лавку какую-нибудь бутылку; я пришлю вам немного микстуры из душистой ивы, корня эндивия и семян базилика. Вы принимайте ее по два раза в день и, Бог даст, поправитесь.

– Господин доктор, какая у меня болезнь?

– Не бойтесь, никакой опасности нет, скоро поправитесь.

– Это прекрасно, я не боюсь, только мне очень хочется узнать, чем именно я захворал?

– Вы, сильно разгоряченный, сняли с себя платье, вас охватило холодом, и вы простудились.

Я, удивившись такому ответу доктора, сказал:

– Братец мой! Во-первых, я не простужался, во-вторых, лекарство от простуды вовсе не микстура из душистой ивы и семян базилика и, в-третьих, это снадобье давали больным двести лет тому назад. С тех давних пор и до нашего времени медицина очень подвинулась вперед, и знающие доктора нашли новые и полезные средства. Вы же хотите меня теперь заставить пить настойку душистой ивы и семян базилика.

Доктор, обидевшись на мои слова, возразил:

– Вы ровно ничего не понимаете в медицине. Почему вы говорите, что микстура из душистой ивы и семян базилика не

помогает от простуды? А то, что вы сказали, будто бы эту микстуру давали двести лет тому назад, а теперь найдены новые лекарства, – слова, которых не скажет и дурак!!

– Да, того, что сказал я, дурак не скажет, но то, что говорите вы, может говорить только дурак! Вы хотите отрицать, что науки медицинские прогрессируют! Прекрасное «намерение»!! Что за беда, что такое отрицание нелепо!... Теперь не только медицина, но и все другие науки движутся вперед и впредь будут двигаться.

– Меня от ваших слов просто смех берет! Откуда вы взяли, что медицина идет вперед? Эта прогрессирующая медицина, которую вы так восхваляете, в каком мире находится?

– Не удивляйтесь, человеческие качества способны развиваться и идут вперед. Сто лет тому назад разве были в вашем государстве железные дороги и телеграф? Пойдем дальше: вот эти спички сто лет тому назад видал ли хоть один бухарец? В те времена чалмы ваши были из маты, а рубашки из домотканой материи; теперь вы дожили до прекрасной тонкой кисеи и разноцветных тканей; все это пример того, о чем я рассказывал. Подобно тому, как все подвинулось вперед и стало лучше, чем раньше, так и наука врачевания значительно усовершенствовалась. Вы говорите: «Где же это улучшение и прогресс медицины?». Да повсюду, и все с этим согласны, только вы не видите, потому что не желаете видеть! Даже в Бухаре есть; вот, примером усовершенствованной медицины могут служить больницы, которые есть у вас.

Доктор, смущенный моими словами, замолчал. Я повернул разговор на другую тему и спросил:

– Вы где обучались медицине?

– В самой Бухаре.

– У какого доктора?

– Я не учился ни у кого; сам читал в свободное время медицинские книги и в конце концов стал доктором.

– Брат мой! Извините меня, но вы не сумеете дать лекарство от моей болезни!

Доктор ушел, я же попросил хозяина дома пригласить ко мне другого доктора, получше. Он привел другого. Этот, войдя

с очень важным видом и потрогав мой пульс, заявил:

– Вы немножко испугались; я вам пришлю несколько пилюль слабительного; вы их скушайте, а после этого заставьте прочитать над собой заговор.

Смех стал душить меня, но я, не подав вида, сказал:

– Господин доктор! У меня одна дурная привычка есть: пока доктор не объяснит мне мою болезнь и не укажет мне, как действуют его лекарства, до тех пор я не буду принимать ничего. Надеюсь, что вы не откажете сказать мне, каким образом вы узнали, что я испугался?»

– У вас жар.

– Какую же пользу принесут заболевшему от испуга слабительные пилюли?

– Понос уменьшит жар.

– Вы прекрасно разъяснили мою болезнь и лекарство от неё назначили хорошее. Но у меня очень скверный характер и пока я не узнаю, в каком именно медресе учился пользующий меня доктор и от какого учителя получил диплом, ни за что не буду принимать лекарство.

– Ха-ха-ха! Успокойтесь! Я не из числа каких-нибудь докторов, которых всюду много; я старший доктор в Бухаре, доктор самого Эмира, и медресе «Дар-ушшифа» находится в моем ведении; в год я получаю 12 000 тенег из народных денег.

– Поразительно!... Откуда же вы получаете такие деньги?

– Из медресе «Дар-ушшифа».

– А где вы изволили изучать медицину?

– Здесь, в самой Бухаре.

– В каком медресе?

– В Бухаре нет медресе, в котором изучают медицину.

– Ну, у какого доктора вы учились?

– Я ни у кого не учил медицины.

– Так каким же образом вы сделали доктором?

– По милости Божьей мой отец был великим доктором; все его книги достались по наследству мне; читая их, постепенно я и стал доктором.

– Разве возможно, чтобы человек сделался врачом только благодаря одним медицинским книгам?

– Конечно! Если внимательно изучить медицинские книги, то вовсе не трудно стать доктором!

– Вы ошибаетесь, без обучения в школе нельзя быть доктором. В цивилизованных странах сначала десять лет учатся в общей школе, где изучают различные науки; усвоив их, поступают в специальную медицинскую школу, учатся там пять лет, и тогда только становятся докторами. Вы же говорите: «Читая в свободное время оставшиеся от отца книги, я сделался доктором!!». Это совершенно невозможно! Я это вам покажу на одном ясном примере; положим, я вам скажу вот что: ступайте по такой-то большой дороге, потом сверните на такую-то другую и пройдите столько-то шагов; там сидит один человек, высокого роста, с большой темной бородой, по имени Зейд; его именно вы приведите ко мне. Вы, с большим опасением потерять дорогу, отправляетесь туда, куда я сказал, по указанным приметам узнаете этого человека, однако вы не сможете привести его ко мне на основании того только, что видели, вам необходимо спросить, как его зовут, Зейд ли? И если он ответит, что да, я Зейд, то вы приведете его ко мне, а если ответит, что он не Зейд, то вы пойдете дальше и будете искать Зейда и, по всей вероятности, пока не найдете именно Зейда, в нескольких других местах будете расспрашивать таким же образом. Вот и медицинская наука подобна этому: медицинская книга скажет вам, что в таком-то месте человека таким-то образом появляется болезнь; имя её вот такое; средство против неё вот этакое. Только на основании изучения этих данных никто не может стать врачом, и учение в медицинской школе не такое: там учитель сегодня читает эти вопросы, а на другой день показывает на практике, то есть, показав вам эту болезнь, объясняет, что эта та самая, о которой я говорил вам вчера; лекарство против неё вот это, а применяется оно вот так. Вы все эти болезни увидите своими глазами и в другой раз не встанете в тупик.

Доктор, выслушав мою речь, сказал:

– Очень хорошо! Но я не из таких докторов, о которых вы говорите.

– А я тоже не из тех больных, о которых вы могли бы рассказать.

Доктор, очень расстроенный, вышел; я тоже, огорченный неудачей, сказал хозяину дома:

– Приведите мне, пожалуйста, русского доктора.

Он отправился и привел. Этот доктор был человек очень сведущий, определил мою болезнь и прописал хорошее лекарство; сказав, что зайдет справиться обо мне через два дня, он ушел. Прописанное им лекарство принесли, и я стал принимать его. Через два дня боли прекратились, силы восстановились, и я почувствовал голод, но друг мой не дал мне есть, сказав, что сегодня должен придти доктор и надо спросить у него, позволит ли он есть и что именно; я подчинился и стал ожидать. Через несколько времени пришел доктор и, увидав мое состояние, обрадовался и сказал:

– Вот вы уже совсем поправились!

– Слава Богу, отвечал я. Я очень был опечален, увидя бухарских докторов: ведь это прямо несчастье, что в таком большом городе нет ни одного сведущего доктора! Но после того, как увидел вас, я сильно обрадовался. Бог даст, вы окажете большие услуги жителям Бухары в их лечении.

– Да, меня сюда и пригласили для этой цели... Но какая польза от моего пребывания здесь, если в Бухаре много таких людей, которые ни за что не пройдут по той улице, где я хоть один раз проходил.

– Удивительно!! Что за причина?!

– Причина очевидна: я – кафир, они – мусульмане; доктор-кафир обязательно уморит больного мусульманина.

– Поразительно странное мнение! С одной стороны, полное отсутствие докторов, а с другой – недоверие к знающим докторам; эти два обстоятельства вполне достаточны для того, чтобы во всей Бухаре не осталось ни одного здорового человека!

– Да. В настоящее время во всех бухарских владениях очень мало таких людей, которые хоть один раз в год не хворали бы.

– Отчего же вы, будучи официальным доктором этой области, не принимаете никаких мер к уничтожению этих болезней.

– Вы, конечно, видели и наши области, и некоторые

европейские города. Европейские правительства специально расходуют деньги для поддержания здоровья своего народа; улицы в городах содержатся чище, чем внутренние комнаты в здешних домах; нигде в Европе баранов не режут внутри городов, мертвых не закапывают в пределах города, отбросы животных не вываливают посреди улиц. Во многих из наших городов существуют специальные медицинские школы, которые, давая образование врачам, ежегодно отправляют их по всей стране; людям, которые не окончили особого образования, не разрешается продавать лекарства. В школах наших детям читают гигиену; ежедневно сведущие профессора пишут в газетах медицинские статьи, разъясняя народу правила гигиены. Поэтому некоторые из жителей европейских городов знают основы медицины не хуже доктора. Несмотря на это, чуть только заболит голова или почувствуют жар, сейчас же бегут к доктору и, что тот ни скажет, с полной готовностью исполняют. Жители же Туркестана – полная противоположность им; вы сами видели их улицы; до сих пор еще они режут баранов внутри города, а внутренности их кладут около дороги; околевших закапывают тут же; на некоторых улицах, кроме этого, еще выбрасываются и экскременты животных, иногда даже и людей. Их питьевая вода, пройдя мимо двухсот отхожих мест, попадает в пруды. Не только в школах, но даже в медресе не читается ни строчки гигиены. При наличии всего этого эти люди не хотят ходить по той улице, где проходил я хоть однажды; все, что бы я ни сказал, считают противным шариату, а того, кто исполнит сказанное мною – кафиром. Так, несколько лет тому назад бухарское правительство по моему указанию приказало подметать улицы города; жители были очень опечалены и говорили про меня: «Этот кафир затеял подметать улицы, теперь выгонит из Бухары все добро и благодать Божию».

– Прекрасно! Предположим, что бухарцы стали бы исполнять ваши указания; что бы вы тогда предприняли для того, чтобы изгнать из Бухары эти болезни?

– Хотя уничтожить все болезни в Бухаре дело очень нелегкое, однако для начала достаточно будет приложить немножко стараний; так, вы и другие образованные люди полагаете, что народ в Бухаре очень нуждается в докторах; во-

первых, вне города Бухары, в других местах совершенно нет докторов. Во многих местностях, например, в Карши, Шааршаузе, Гисаре, Кулябе и иных областях, есть много людей, которые до сего времени еще и не слыхали названия «доктор»; как только вы выйдете из ворот города, в какую сторону ни пойдете, вы не увидите ни одного доктора, кроме старух - знахарок и мелочных торговцев, продающих лекарство. Даже в самой Бухаре есть много людей, которые считают лучшим средством против жара при лихорадке следующее: положить на больного ослиное выючное седло, сесть на него верхом и кричать: «Иш-ш-ш!» ... Во-вторых, все те доктора, которые здесь теперь живут, не из бухарцев; на этом основании можно сказать, что в Бухаре совершенно нет докторов*. Так вот я и говорю: прежде всего нужно, чтобы число докторов в Бухаре увеличилось; это возможно лишь при том условии, если они будут из уроженцев Бухары, а не приедут из других городов, потому что доктора, если они знающие и опытные, не пожелают бросить свой город и ехать сюда без определенного содержания или на небольшое жалование, а правительство бухарское не согласится дать им большие деньги; следовательно, нужно, чтобы сами бухарцы постарались сделаться докторами, хотя бы таким способом: правительство должно преобразовать одно из больших медресе в специально медицинское, назначить директором его одного из знающих докторов, из Петербурга или из других европейских городов пригласить опытных преподавателей. Затем пусть отправят несколько хороших и добродетельных молодых бухарцев в Европу для изучения медицинских наук. На это, наверно, правительство возразит, что казна бухарская не в состоянии отправлять ежегодно по несколько человек студентов для обучения. Я же скажу, что правительство может отпускать деньги на это, и не из своих собственных сумм; я скажу яснее: в Бухаре есть медресе, которое называется «Дар-ушшифа»*; оно получает ежегодно 40

---

* Это свое путешествие я совершал раньше, чем в Бухару прибыл доктор Собир-Мирза Хурдов; иначе я упомянул бы о нем, т. к. он достоин уважения и Бухара должна им гордиться. (Авт.).

* Дом исцеления, то есть больница.

000 тенег вакуфа, что равно 6 000 рублей; для каждого студента, который отправится в Петербург или в какой-нибудь другой город учиться, будет вполне достаточно пятисот рублей в год; если бухарское правительство из вышеупомянутого вакуфа возьмет 5 000 рублей, то будет в состоянии отправить учиться десять человек студентов. Через четыре года все эти студенты, окончив курс, возвратятся в Бухару и займут места преподавателей в медицинском медресе вместо европейских профессоров, а на их место отправятся десять других. Таким путем Бухара, став обладательницей медицинского медресе, может выпускать столько докторов, сколько будет нужно, но «где уши, слышащие слова, и где глаза, берущие пример»?

– Очень хорошо! Ваш план выполним. Отчего же вы не объясните его бухарцам?

– Я же сказал: «Где уши, слышащие слова, и глаза, берущие пример?».

– Почему же они не соглашаются на это?!

– Говорят, что это противно шариату.

– Хорошо, а вы заявите правительству.

– Каким же образом можно заставить правительство понять противное шариату дело?

– По моему мнению, ничто из того, о чем вы говорили, не противоречит шариату!

Доктор, удивленный этой моей фразой, пристально посмотрел на меня и спросил:

– Разве вы не мусульманин?

– Мусульманин.

– Я знаю наверно, что сейчас во всей Бухаре нет ни одного муллы, который бы назвал мои предложения законными! Почему же вы так говорите?

– Не удивляйтесь! Да, ничего из сказанного вами не противоречит шариату; я это докажу: во-первых, вы хвалите и одобряете чистоту и порядок европейских городов и их улиц и обнаруживаете свое сожаление по поводу безобразного состояния и грязи мусульманских; посмотрите, что сказал относительно этого наш Пророк, да будет над ним мир и милость Божья! *«Стройте себе мечети простые и без зубцов по стенам и основывайте для себя города, разукрашенные*

башиями и красивые»* или: «Чистоту и благоволия соблюдайте на своих улицах, потому что зловоннейшие улицы – улицы жидов»**, или еще: «Господь есть Превосходный – любите превосходное, Чистый – любите чистоту, Щедрый – любите щедрость, Благодетельный – любите добрые дела; итак, соблюдайте чистоту вокруг домов ваших и не уподобляйтесь евреям!»***. Пророк наш, да будет над ним мир, не удовольствовавшись этим, приказал, чтобы каждый мусульманин содержал себя в чистоте, и сказал так: «Чистота есть часть религии»**** и еще: «Чистите зубы, так как это есть чистота, чистота же призывает вас к вере, а вера будет с верующим в раю»****. «Если не будет затруднительно для моих последователей, я всегда приказывал чистить зубы и душить духами перед каждой молитвой»*****. Вот эти мусульмане, которые из-за грязи и беспорядочности своей сделали вас мишенью для стрел порицания, есть потомки людей, тысяча триста лет тому назад получивших вышеуказанные приказания относительно чистоты, но что могут они поделать, если не имеют понятия об истинной мусульманской религии и у них нет ни одного человека, который бы мог прочесть им и разъяснить толком какой-нибудь стих Корана или изречение Пророка. Теперь я подошел к вопросу о медицине; посмотрите, что сказал об этом наш Пророк, да будет над ним мир и милость Божья: «О, рабы Божьи! Лечите болезни свои лекарствами, потому что Господь не создал такой болезни, от которой не создал также и лекарства»...*. И преобразовать одно из бухарских медресе в специально-медицинское, назначить вас

* „ابنوا مساجد كم جمعا وابنوا مدائنكم مشرفة“

** „طيبوا ساحاتكم فان انتن الساحات ساحات اليهود“

*** „ان الله طيب يحب الطيب نظيف يحب النظافة كريم يحب الكرم“

جواد يحب الجود فنظفوا ابنيكم ولا تشبهوا اليهود“

**** „النظافة شرط الايمان“

***** „تخلوا فانه نظافة والنظافة تدعو الايمان والايمان مع صاحبه في الجنة“

***** „لولا ان تشق على امتي لامرتهم بالسواك والطيب عند كل صلوة“

* „تداوا يا عباد الله ان الله لم يضع داء الا وضع له دواء“

его директором, пригласить для него из Европы преподавателей и ежегодно отправлять несколько человек способных молодых людей для получения медицинского образования в Россию – все это отнюдь не противно нашему шариату, потому что и Пророк сказал об этом так: *«Ищите науку, хотя бы она была в Китае»*^{**}. Обратите ваше внимание на содержание этого священного изречения: та наука, для изучения которой Пророк посылает нас даже в Китай, конечно, не богословие или толкование его, так как Китай – страна неверных и там нельзя найти наук, касающихся нашей религии, но, наверно, какая-нибудь другая, например, медицина или искусство. Итак, из этого изречения ясно видно, что изучение нерелигиозных наук разрешено нашим шариатом. Но, кроме этого, есть еще и другие изречения: *«Знание есть богатство, потерянное верующими; берет его там, где найдет»*^{***}; *«Приобретай знание; оно не принесет тебе вреда, откуда бы ни пришло»*^{****}. Вот эти все изречения Пророка доказывают, что ваши слова не противны нашему священному шариату.

Теперь бросим взгляд на историю Ислама: многие из великих людей Ислама, назначив большое жалование докторам из христиан и даже огнепоклонников, одних из них делали своими личными врачами, а других – учителями в медицинских школах того времени. Халиф Мансур, второй халиф из Аббасидов, назначил одного христианского врача по имени Георгий Бахтишу главным доктором в Багдаде. Халиф Гарун-Аррашид также взял к себе личным врачом огнепоклонника по имени Манка и сыну вышеупомянутого Георгия, по имени Бахтишу, дал место главного доктора. Кроме этих известных врачей, у Аббасидских халифов служили на жаловании много других, пользовавшихся тоже известным почетом и уважением; некоторые занимались специально лечением народа, другие преподавали в школах, а третьи переводили с греческого языка

---

^{**} «اطلبوا العلم ولو بالصين»

^{***} «الحكمة ضالة المؤمن يأخذها أين وجدها»

^{****} «خذ الحكمة ولا يضرك من أي وعاء خرجت»

книги. Абассидские халифы приказали перевести с греческого на арабский язык очень много книг и ввели их в багдадских школах. Я скажу вам названия некоторых из этих книг, переведенных христианскими докторами:

1. Книга о дробях.
2. О начале и конце природы.
3. Об отделениях организма.
4. О тифе.
5. О воде и воздухе.
6. Природа человека.

Автор этих книг – Гиппократ; перевел их с греческого по приказанию халифа Мамуна Абиссида христианин по имени Хунайн.

1. О распознавании болезней.	13. О тифе.
2. О недоношенных детях.	14. Накожные болезни.
3. Книга о здоровье.	15. О времени болезни тифа.
4. Об одышке.	16. Книга советов о лихорадке.
5. О пульсе.	17. О голосе.
6. О лекарствах.	18. Медицина и философия.
7. О выздоровлении больных.	19. О непроизвольных поступках.
8. О хорошей пище.	20. Гигиена.
9. О внутренних и наружных болезнях.	21. Нездоровье.
10. О горячке.	22. О трудах врачей.
11. О тифозной лихорадке.	23. Самостоятельные лекарства.
12. О выздоровлении больных.	24. Книга Платона о чр. удивительных случаях.

Эти книги написал грек врач Гален, а перевел тот же Хунайн.

1. Разделение болезней.	11. Науки Расту.
2. Большая книга о пульсе.	12. Анатомия матки.
3. О правилах здоровья.	13. Мнения Гиппократа и

4.	О болезнях, излечимых разными способами.	14.	Платона. Менструации.
5.	Большая анатомия.	15.	Об опухолях.
6.	Разногласие в анатомии.	16.	О семени мужчин.
7.	Анатомия живых существ.	17.	Значение членов тела.
8.	Анатомия мертвых животных.	18.	Составление лекарства.
9.	Знания Гипократа по анатомии.	19.	Изучение медицины.
10.	Нужда в пульсе.	20.	Сила дыхания и тела.
- Автором этих книг был тот же врач Гален, а переводил их по приказанию халифа Мамуна христианин Габиш.

1.	Биение сердца.	4.	Переполнение желудка.
2.	Болезни дыхательных путей.	5.	Женщина и помешательство.
3.	Нервная дрожь.		

Эти книги написал тоже Гален, а перевел христианский врач Стефан по приказанию Аббассидского халифа Мутевакия.

1.	Объяснения к медицине.	3.	Об импотенции.
2.	О бесплодии.	4.	О гигиене после болезни.

Эти книги перевел с индийского языка огнепоклонник врач Манка по желанию халифа Абдуррашида.

Вот из истории Ислама тоже можно видеть, что Аббассидские халифы, во времена которых жило большинство из муджтехидов и факихов, принимали к себе на службу с большим содержанием многих докторов и ученых других религий, заставляли их переводить научные греческие и индийские книги на арабский язык и предлагали их изучать в багдадских медресе. Халиф Абу-Джафар-Мансур Аббассидский, во время которого жил Великий Имам*, даже назначил христианина Георгия Бахтишу старшим над врачами Багдада, а халиф Абуррашид, имевший у себя казием Абу-Юсуфа, дал

---

* Абу-Ханифа.

место старшего багдадского врача сыну вышеупомянутого Георгия, тоже христианину, и взял к себе личным врачом огнепоклонника Манка. Это все доказывает, что, если теперь мы, мусульмане, отправим для изучения медицины несколько человек студентов в Европу, а оттуда пригласим к себе сведущих докторов и назначим их преподавателями в свое медицинское медресе, то все это совершенно не будет противоречить шариату. Ведь у бухарского правительства, наверно, есть сведущие и умные люди; вы расскажите им все это, думаю, что они согласятся с вашим мнением.

Доктор остался очень доволен всем сказанным мною и, попрощавшись, ушел.

После того, как я совершенно поправился, я пробыл в Бухаре еще несколько дней. Затем я решил отправиться в путешествие. Хозяин дома, где я жил, взял у влиятельных лиц Бухары для меня рекомендательные письма к казиям и правителям больших городов; кроме этого, он дал мне в спутники одного образованного молодого человека, который знал местные языки.

Рано утром мы сели в бухарскую арбу и отправились. Ко времени намаза «аср» мы прибыли к месту первой остановки, к какому-то селению, весьма маленькому, состоявшему всего из трех-четырех лавчонок. Я сошел с арбы около одной из этих лавок; хозяин её взял мои вещи и положил их под закопченной террасой. Я развернул спальные принадлежности, совершил омовение и намаз, а затем отправился гулять по окрестностям. Но что это были за окрестности! Как только я вышел из-за лавок, то увидел, что со всех сторон – пустыня! Только с одной стороны я заметил большую постройку, вроде медресе; двери её развалились. Я вошел внутрь её и увидел, что здесь она вся положительно превратилась в кучу развалин. Я спросил у своего спутника:

– Почему это медресе так разрушено?

– Это не медресе, это гостиница; посмотрите вон там, напротив неё есть и водохранилище.

Я посмотрел по указанному направлению и увидел большой каменный водоем. Заинтересованный, я спросил:

– Кто же все это устроил?

– Эту гостиницу и водоем выстроил для отдыха путешественников один из Бухарских Эмиров, по имени Абдулла-хан. Этот Эмир устроил по всем дорогам в своем государстве на каждой станции, где нет поселения, подобные этому караван-сарай и водоемы; теперь же все они, как этот, постепенно разрушаются. Спутник мой, будучи человеком простым, ничего не знал о настоящем положении мира исламского и христианского и потому рассказывал мне обо всем этом без особенного сожаления; я же был очень огорчен слышанным от него и подумал: европейцы говорят: «Пусть останется память о нас грядущим поколениям», – и ежедневно возводят новые прекрасные здания; мы же, мусульмане, сказав: «Пусть останется о нас память и потомки не забудут нашего имени», – ни о чем не заботимся; удивительнее же всего то, что те предметы, которые остались нам от наших отцов и великих людей, мы разрушаем и уничтожаем!

Солнце стало закатываться; мы вернулись в лавку, прочитали вечерний намаз, напились чаю и легли спать. После полуночи мы встали и отправились в дальнейший путь. На четвертые сутки мы прибыли в Карши; по пути мы не встретили ничего, достойного упоминания, кроме того, разве, что на каждой станции были такие же, как и на первой, караван-сарай и водоемы Абдулла-хана и в таком же заброшенном виде.

Прибыв в Карши, мы остановились у дома казия; привезенное из Бухары письмо я передал людям казия, они снесли к нему. Нас привели в какую-то комнату, где мы и провели эту ночь. На другой день, после восхода солнца, мы пошли приветствовать казия, который принял нас любезно; посидев немного у него, мы отправились осматривать город.

Целую неделю я пробыл в Карши, и все, что видел в этом городе достопримечательного, вкратце расскажу.

Карши – один из больших бухарских городов; прежде торговые обороты этого города равнялись оборотам Бухары, но теперь, благодаря отсутствию железной дороги, сильно упали. Науки и знания здесь также находятся в плачевном состоянии, даже большая часть жителей не считает необходимостью изучение грамоты. Ремесла здесь более развиты, чем в столице; с большим искусством здесь выделяются медные кувшины и

ткуются ковры, а в умении ткать особую полушелковую ткань, называемую «алача», каршинцы не имеют себе равных; но, к великому сожалению, все это выделяется по-старинному, ручным способом; фабрик, оборудованных машинами, у них нет, даже и в проекте не существует.

Однажды вместе с одним из слуг казия я зашел на фабрику одного известного ткача «алачи»; хозяин её принял меня с почтением, и мы беседовали с ним около часа. Между прочим я сказал ему:

– Ваша мастерская лучше других каршинских и «алача» вашего производства тоньше и изящнее. Правду сказать, ваша «алача» даже лучше многих русских материй, потому что, хотя их материи гораздо тоньше и красивее, однако лишены этой прочности в носке, какую обладает эта. Относительно того, что ваша «алача» бывает тонка и прочна, я слышал один рассказ, который сейчас вам расскажу: один из бухарских паломников, отправляясь в Хадж, взял с собою несколько кусков этой материи, чтобы по прибытии в Медину принести её в жертву. Случайно, не знаю, почему именно, он не сделал этого и не истратил «алачу» ни на что другое и повез её с собою обратно в Бухару. По прибытии в Одессу во время таможенного осмотра русские чиновники сочли эту вашу «алачу» за французский товар и потребовали за неё пошлину; сколько ни убеждал их бедный хаджи, что это самая обыкновенная бухарская материя, чиновники стояли на своем и говорили, что в Бухаре еще нет таких фабрик, которые могли бы вырабатывать столь хороший товар, и что хаджи купил его в Константинополе. Так несчастному хаджи и пришлось уплатить несколько рублей таможенной пошлины. Конечно, здесь нет вины русских чиновников, но «алача» была так хороша, что показалась им французским товаром; в прочности же она, пожалуй, и превосходит его.

Хозяин мастерской был очень польщен моими словами. В это время принесли чай и угощение, после которого я снова начал говорить:

– Правду сказать, каршинцы большие мастера ткать «алачу» и в настоящее время очень много зарабатывают этим ремеслом. Но что вы думаете относительно будущего этого

промысла?

Хозяин, не поняв моего вопроса, удивленно посмотрел на меня; чтобы пояснить ему, я сказал:

– Вы надеетесь, что это ремесло каршинцев десять или двенадцать лет еще будет иметь такой же успех, или нет?

Мастер на этот раз понял меня, но в силу того, что подобный вопрос не приходил ему в голову до сего времени, он смутился и молчал. Я опять стал пояснять ему:

– Господин мастер! Европейцы в том случае, если берутся за какое-нибудь дело, смотрят вперед: будет ли оно пользоваться успехом через десять, двадцать, даже сто и двести лет. Вы же, владея таким искусством, помышляете ли о том, какая будущность ждет его?

– Это наше ремесло несколько лет тому назад имело успех, имеет его теперь, а что будет впереди – знает только Бог!

– Это правильно, Бог знает! А вы-то принимаете ли какие-нибудь меры к тому, чтобы ваше искусство просуществовало бы хоть десять лет ещё?

– В настоящее время дела наши прекрасны, а через десять лет – кто помрет, кто останется в живых – неизвестно!

– Так ведь вы предполагаете, что вы останетесь в живых, почему же не подумаете о том времени? Ну, хорошо, предположим, что вы не доживете до тех пор; что же будут делать ваши дети и внуки? Господин мастер! Вы иногда подумывайте о будущем. В этом мире все трудятся для будущего; заботы о будущем есть главная причина благоустройства и процветания мира: торговец переносит неудобства путешествия сегодня для того, чтобы увидеть завтра у себя больше денег; ученый сидит в углу темной кельи в голод и холод в мыслях о том, что на будущий год он будет мударисом; правитель города посылает в царскую казну кровь и пот народа в надежде, что через месяц его сделают визирем; государь сегодня соглашается на смерть ста тысяч своих солдат для того, чтобы на другой день в новом царстве читали «хутбу» с его именем. Все это уже в продолжение целых тысячелетий идет одним путем и впредь будет идти им же, то есть все делалось и будет делаться ради будущего времени. Нет во всем мире ни одного человека, который бы сделал хоть один шаг

ради того, что уже прошло!

Эти мои слова пришлись по сердцу мастеру; я же продолжал свою речь:

– Так как вы согласились с моими словами, то давайте рассуждать о том, что в будущем ожидает ваше ремесло. Вы знаете, из чего шили себе платье сто лет тому назад жители Бухарского ханства?

– Из маты и редины.

– Из чего были ваши чалмы?

– Из гидждиванской кисеи*.

– Пищу ели из какой посуды?

– Из глиняных чашек.

– Эту мату, редину, глиняные чашки и прочее кто выделявал для них?

– Сами же бухарцы.

– В мастерских работали руками или на машинах?

– Конечно, руками.

– Вот видите, в те времена все жители Туркестана сами вырабатывали для себя все необходимое и сами же потребляли; деньги вынимали из своего кармана и потом туда же их клали; ни одного гроша не давали иноземным фабрикантам. С тех же пор, как европейские фабрики начали выделять тонкие шерстяные ткани, шелковые кисеи и прекрасную разноцветную фарфоровую посуду и со всех сторон привозить в Туркестан, все жители набросились на эти товары, а на свои старые, так сказать национальные, перестали и смотреть. Постепенно все местные мастерские ткацкие и гончарные, оставшись без работы, стали закрываться, хозяева же их волей-неволей должны были заняться или черной работой или идти в услужение к другим и, в конце концов, с тысячами вздохов сожаления покинули сей бренный мир. Если бы они не говорили так же, как и вы: «Через десять лет –кто помрет, а кто жив будет», и не сидели, сложа руки, а тотчас же постарались бы переменить свои станки, выделяющие только мату, на другие, которыми можно было бы ткать сукно, и горшечные – на производящие фарфоровую посуду, в самом непродолжительном времени выстроили бы

---

* Гидждиван – маленький город в Бухаре.

себе вместо тесных и грязных лавчонок большие магазины и взамен полуразвалившихся хибарок – прекрасные дома. И не только сами они стали бы счастливыми и богатыми, а и все туркестанцы, так как те деньги, которые теперь уплывают из карманов туземцев в кошельки чужих фабрикантов, остались бы в своей стране. Теперь посмотрим, будущая судьба вашего дела такова же или нет. Вы, например, на выделку и материал для одного куска «алачи» тратите 15 тенег, продаете его за 20 и, значит, получаете пользы 5 тенег. Но, если фабриканты примутся за выделку такой же «алачи», то каждый кусок им будет обходиться в 10 тенег, и продавать они его будут за 15; тогда, конечно, никто не будет платить за вашу «алачу» по 20 тенег. Что же вы тогда будете делать? Поневоле вы будете тоже продавать свою по 15 тенег; узнав о том, что вы продаете также дешево, они сбавят цену на свой товар до 8 тенег и будут в течение нескольких дней даже нести убыток по 2 танги на кусок. Вам и вашим сотоварищам по производству придется продавать «алачу» тоже по 8 тенег и нести большие убытки; в конце концов, вы будете вынуждены продать свои мастерские, чтобы окупить эти убытки, и заняться каким-нибудь другим делом. Затем, после того, как все туркестанские мастерские, вырабатывающие «алачу», при таких же обстоятельствах вынуждены будут закрыться и хозяева их найдут себе иное дело, фабриканты её мало-помалу начнут поднимать цену на свою «алачу» и доведут её до 20 и даже 25 тенег за кусок и спокойно будут класть туркестанские денежки в свои карманы. Итак, я из своего рассказа выведу такое заключение, что, если здешние ремесленники, подобно европейским, не переменят свои кустарные мастерские на благоустроенные фабрики, то через несколько лет никто не найдет и следа от всех этих, по справедливости достойных изумления, искусств и ремесел. Поэтому я опять повторяю, отнеситесь ко всем моим словам внимательно и серьезно, иначе поздно будет раскаиваться тогда, когда все дело пропадет.

На этом я окончил свою речь и, попрощавшись, ушел.

Теперь снова возвращаюсь к своей теме: урожай в этом городе тоже очень хороши, много табаку, ячменя и пшеницы; особенно же известен табак из Карши. Но должен сказать

откровенно, что у каршинцев нет старания и забот, равных плодородности их земель, то есть они не собирают столько, сколько может дать земля. Но это не только в Карши, а и по всей Бухаре обстоит одинаково. Как мне удалось понять, нерадивость и беспечность у народа явились по трем причинам: во-первых, поступки амлякдаров. Но, так как объяснение всех их фокусов и насилий очень длинно и не поместится в этой книжке, то я расскажу вкратце: амлякдары собирают подати с земледельцев «приблизительно», т. е. так, например: какой-нибудь дехканин собрал кучу пшеницы, амлякдар приходит и определяет количество хлеба на глаз, «приблизительно», согласно собственному желанию, и берет нужную для уплаты податей часть. Амлякдары не получают от правительства никакого вознаграждения за свою службу и все свои расходы возмещают излишками, взятыми с дехканов. Амлякдар – бесконтролен: если он неправильно определит весь хлеб у какого-нибудь земледельца, обидит ли казну или жителей, взяв меньше или больше, чем следует, никто с него не спросит и не накажет его; поэтому, чтобы ни сделал он, все у него благополучно сходит с рук. Вторая причина – это обычаи самих дехканов: их земледельческие орудия и способ обработки земли ничуть не разнятся от таковых же времен праотца Адама. В Европе во многих больших городах открыты земледельческие школы; туда принимаются дети хлебопашцев и изучают правила обработки земли. Здешние же дехкане и во сне не слышали названия «земледельческая школа». Европейские ученые изобрели для удобрения земли различные средства, а бухарские землепашцы должны для этой цели купить себе лошадь или несколько ишаков, ежедневно приезжать в город, собирать там человеческие отбросы и свозить их в особые места, откуда по мере надобности и брать их для удобрения. Земледельцы цивилизованных стран возделывают землю машинами; когда им понадобится, они могут вспахать в один день несколько танапов земли, а здешние должны прежде всего купить по очень высокой цене пару больших быков, затем целый год ежедневно расходовать им на корм 10 тенег, ухаживать за ними и в первую весну в течение круглых суток могут вспахать только один танап. Первые имеют особые машины для молотбы хлеба, а

вторые для этого опять вынуждены прибегать к помощи быков или ишаков. Таким образом, понятно, почему бухарские земледельцы не могут собрать со своих полей столько, сколько в состоянии дать земля. Образованные бухарцы не считают виновными в этом дехканов и говорят так: «Вся вина падает на лиц, власть имеющих, потому что до сих пор они не могут указать этим несчастным правильного пути». Я тоже отчасти согласен с этим мнением, но все-таки большую-то часть этой вины возлагаю на дехканов, так как они сами не хотят слушать того, что им говорят. Так, сам я и в Карши, и в Бухаре говорил об этом многим земледельцам и объяснял им европейские способы обработки земли, а они смеялись и говорили, что я рассказываю им о том, как обрабатывают землю в аду черти. Третьей причиной являются дурные поступки казиев. О казиях я вкратце расскажу: в каждой бухарской области есть один казий, назначенный Эмиром; их обязанность следить за правильным исполнением предписаний шариата. Каждый из казиев назначает в подчиненной ему области, в тех селениях, где есть базары, несколько помощников, которые, в свою очередь, среди тысячного населения своих участков обязаны вершить дела правосудия согласно указаниям священного мусульманского шариата. Но какая от них может быть помощь, если сами они совершенно неграмотны, и как они могут применять к делу шариат! У всякого казия состоит человек 20–30 прислуги, есть несколько друзей и товарищей, имеется изрядное количество лошадей и рогатого скота; весь расход на содержание такого штата покрывается вознаграждениями, получаемыми казиями за венчание и другие услуги, иными словами, все из кармана того же несчастного поселянина.

Случай, происшедший в доме каршинского казия, которому я сам был свидетелем, ярко обрисовывает всю беззастенчивость бухарских казиев; о нем я и расскажу сейчас.

Однажды утром, после того, как я сходил с приветствием к казию и уже возвращался в свою комнату, я вдруг увидал, что в двери дома казия вошла толпа человек в 50 мужчин и с ними одна женщина. Все с шумом расселись на циновках на полу; я тоже, исключительно для того, чтобы занять время, подошел, сел с ними и стал внимательно слушать

то, что они говорят. Женщина начала рассказывать свою жалобу:

– Вчера я пекла хлеб; вынув из печки один, я положила его на площадку; в это время из дома раздался плач моего ребенка и, когда я пошла узнать, в чем дело, кошка схватила только что испеченную мною лепешку и убежала. Вот этот человек, мой муж, был на дворе и, увидав лепешку во рту у кошки, рассердившись, вошел в дом и начал меня ругать. Сколько я ни просила прощения, он не давал его, а все больше и больше свирепел. Дело дошло до того, что без всякой уважительной причины и, не слушая моих оправданий, он повалил меня себе под ноги и сильно стал бить ногами. В конце концов, я, боясь за свою жизнь, вырвалась у него и убежала к соседям, потом к брату, а оттуда пришла к вашей милости с жалобой. Вот и его самого привела!

Казий, посмотрев на её мужа, сказал:

– На каком основании ты бил эту несчастную? Ты разве видел, что в городе нет правителя?

Тот, совершенно отрицая свою вину, отвечал:

– Я ничего не знаю. Брат моей жены питает ко мне вражду, и она в угоду ему говорит на меня напраслину!

– Ты врешь, – возразил, рассердившись, казий, – разве я не знаю твоих прошлых дел? Сейчас я тебе прикажу воткнуть под ногти камышинки!

И тотчас же приказал посадить его в тюрьму. Тогда те люди, которые пришли со стороны мужа, возвысили голоса и стали подтверждать его невиновность, а пришедшие свидетелями со стороны жены начали опровергать их слова; в конце концов поднялся такой гвалт и шум, что никто ничего не мог расслышать. Казий вторично приказал посадить под арест виноватого, слуги его увели и заперли. Все, пришедшие на суд, ушли. Я же, придя в отведенное мне помещение, пораженный только что виденным, стал размышлять: «Лепешки, утащенной кошкой, достаточно было для того, чтобы 50 человек народу, бросив все свои работы, пришли сюда, пройдя путь в два фарсанга!».

Я стал читать книгу. Вскоре наступило время намаза «пишин», я отправился в мечеть на молитву, а когда

возвратился, то казий прислал за мной человека с приглашением на обед. Когда обед кончился и стали убирать со стола, к воротам дома казия подъехали два человека. Увидав их, казий спросил меня:

– Вы видели тех мужа и жену, которые утром приходили судиться?

– Видел.

– Вот эти двое вновь прибывшие – их аксакалы; посмотрим, что они скажут!

В это время эти аксакалы вошли в комнату, сказали приветствие и сели. Казий, взглянув на одного из них, сказал:

– Ну, аксакал, как поживаете?

– Молюсь, господин, чтобы Господь ниспослал свое благословение на жизнь вашу и ваших наследников!!

– Этот проклятый ишак чего ради избил свою жену? Он, должно быть, решил, что в стране нет властей!

– Несчастье с вашей головы беру себе!* Этот бедняга не виноват, жена его очень бесстыжая баба.

– Что может сделать сама женщина!? Во всяком безобразном и бесстыжем деле виноват тот болван! Он думал, что эта слабая женщина покинута всеми! Но я – отец покинутых! Сегодня же я пожалуюсь Эмиру, а тому прикажу дать 75 палок, пусть другим послужит примером!

Аксакал, испугавшись этих угроз казия, начал говорить:

– Дорогой господин мой! Несчастье с вашей головы беру себе! Послушайтесь слов своего старого слуги! Простите вину тому несчастному, жена его уже простила его!

– Врете вы! Та женщина ни за что не простит его!

– Мы никогда не врем; прикажите – и мы приведем ее, тогда и спросите у неё самой!

– Превосходно! Приведите ко мне её!

Аксакал ушел. Через несколько времени он возвратился, приведя с собою женщину вместе с её свидетелями. Казий, обращаясь к женщине, произнес:

– Я посадил твоего мужа в тюрьму; завтра донесу Эмиру и, дав виновному 75 палочных ударов, сдам в солдаты!

---

* Обычная фраза в разговоре между мусульманами.

Несчастливая женщина, как только услышала слова казиза, вздрогнула и, зарыдав, стала говорить:

– Я прошу прощения за своего мужа! Простите вину этому несчастному! Ради Бога, будьте милостивы, войдите в наше положение!

– Теперь уже невозможно! Эй, женщина! Слушай меня: твой муж побил тебя или нет? Если побил, то я накажу его, если же нет, то накажу тебя за то, что ты ложно обвинила мужа!

– Муж меня побил на самом деле, но я уже простила его, простите же его и вы!

– Довольно! Муж твой побил тебя, и я накажу его. Конечно, муж твой, видя тебя беззащитную и слабую, побил; вот я и отомщу ему за это, чтобы впредь он знал, что я – заступник и покровитель бедных и беззащитных этого города.

Несчастливая женщина дважды простила руки свои к казизу, плакала и просила:

– Заклинаю тебя головой твоих детей! Беру на себя все твои несчастья! У моего мужа двое маленьких детей, смилуйтесь хоть над ними-то! Я не имею никакой претензии к мужу, простите его!

– Шариату нет никакого дела до того, есть ли у кого грудные дети! Я его обязательно накажу!

– Сейчас только вы назвали себя покровителем обиженных и слабых, будьте же милостивы к нам! Из-за пустяка не разрушайте нашего дома, не делайте меня вдовой, а детей сиротами!

Казий, рассердившись, сказал своим слугам:

– Выгоните эту проклятую дуру!

Прислужники без всякого милосердия ударами кулаков и пинками ног вытолкали несчастную из дома казиза. После этого я ушел к себе и лег спать.

На следующее утро я встал рано и взялся было за книгу, но не мог читать спокойно, так как поминутно передо мною вставал образ той несчастной женщины и грезился её плач. Я с нетерпением ожидал, когда казий пришлет за мной человека звать к чаю, чтобы расспросить о дальнейшей судьбе арестованного вчера мужчины и его жены. Вскоре за мною пришли, и я, поблагодарив Бога, тотчас же пошел в дом казиза.

Сказав приветствие, я стал пить чай, после которого у нас завязался разговор; через несколько времени в комнату вошли два аксакала, которых я видел здесь же вчера, и, поздоровавшись, сели. Казий с улыбкой ответил на их приветствие и тотчас же приказал одному из слуг привести арестованного вчера мужчину. Когда его привели, казий сказал ему:

– Эй ты, несчастный неудачник! Я намерен был приказать дать тебе 75 палок и затем отдать тебя в солдаты, но на этот раз, снисходя к просьбам аксакалов, прощаю тебе твою вину!

Аксакалы тотчас же начали читать молитву за всех потомков казия; узник тоже помолился сначала за них, а потом за Эмира, и затем все вместе ушли. Я, пораженный до последней степени, подумал: «Почему это вчера нужно было господину казию делать все эти насилия, а сегодня такие милости?».

Исключительно для того, чтобы выяснить себе что-нибудь из этого дела, я вышел из дома казия и отправился в дом его писаря. Старший писарь казия был человек образованный, иногда даже читал персидские и турецкие газеты. Раньше этого случая я несколько раз беседовал с ним. Теперь же, как только он увидал меня, сейчас же спросил:

– Господин чужестранец! Изволили вы видеть и убедиться в том, как мы несчастны?

– Что я видел?

– Обратили ли вы должное внимание на вчерашний судебный процесс между женою и мужем?

– Да, я обратил внимание; но понял только то, что кошка утащила лепешку у этого человека, а того, из-за чего казий вел себя как кошка, никак не могу уразуметь!

– Из-за того, чтобы отнять у них и оставшийся хлеб.

– Брат мой! Я очень удивлен всем виденным! Как же обстоит дело в действительности? Почему казий в первый день так сурово отнесся к ним, а на второй так любезно отпустил арестованного?»

– Сегодня ночью, после намаза «шам», приезжали те два аксакала и пожертвовали «господину блюстителю закона» 2000 тенег, прося простить заключенного, и казий по желанию (!)

аксакалов помиловал его!

– Что вы говорите?! – вскричал я, пораженный до крайности. – 2000 тенег судебных издержек по делу о лепешке, утащенной кошкой?! Как это понять?!

– Увы! 2000 тенег расхода! Только на один подарок казию вышло 2000 тенег!

– Какой же еще был расход?!

– 1500 тенег сверх этого попало в карманы прислуги казия, «раису», людям правителя города и двум известным вам аксакалам.

– Поистине, ваш рассказ меня поражает!! Если дело об украденной кошкой лепешке потребовало таких расходов, то сколько же будут стоить более сложные дела?!

– Хотите – удивляйтесь, хотите – нет, но все, что я рассказал вам – сущая правда. Конечно, более важные дела требуют соответственно больших денег.

– Так в каком же положении находится народ?

– Об этом спросите у Бога.

В это время пришли двое из прислужников казия и прервали наш разговор. Я отправился домой и после намаза «пишин», по обыкновению, пошел к казию; он, увидя меня, засмеялся и сказал:

– Пока не сгорит город, не сжарится шашлык дервиша!*

Я долго думал, чем бы порадовать вас. Теперь Господь устроил так, что кошка унесла хлеб у этой женщины, и мы получили несколько тенег; из этой свежей добычи я взял свою часть и часть своих детей, а вот эти 300 тенег остались для вас. Примите этот небольшой подарок от меня!

После этих слов он положил передо мною несколько русских кредитных билетов. Я, не прикасаясь к деньгам, отвечал:

– Я очень признателен вам! Если позволите, я предложу вам один нескромный вопрос.

– Что это за вопрос?

– Эти муж с женой откуда достали такое количество денег и дали вам?

---

* Персидская пословица.

– Ха-ха-ха!! Я знаю, как нужно брать деньги, а до всего прочего мне нет ровно никакого дела! Хоть бы из могилы своего отца достали бы их – мне-то что до этого?

– Вы меня извините, я – путешественник и мне дороже денег будет узнать подробности подобного дела, поэтому-то я и расспрашиваю вас.

– Я ничего не знаю, а чтобы удовлетворить вашему любопытству, спросим у диван-беги.

Привели диван-беги, спросили у него. Он отвечал:

– У мужа были деньги, у жены же ничего не было; поэтому она продала два танапа земли и уплатила.

Казий, обращаясь ко мне, спросил:

– Теперь поняли?

– Да, я понял и очень благодарен вам за это! Но вы, блюститель священного закона, как могли допустить, чтобы продали землю этой несчастной, и как могли вы взять эти деньги?

– Ну... При чем тут шариат?! Оставьте его! Если бы я не знал, что на должности казия возможны такие дела, то чего ради я бросил бы свой родной дом и приехал сюда?!!

Видя, что невозможно убедить казия согласиться с моими словами, я замолчал; предложенные же мне деньги я положил перед ним, говоря так:

– Простите меня, но я не могу взять этих денег!

– Почему?!

– Так как я мусульманин, и те люди, от которых вы взяли эти деньги, тоже мусульмане.

– Я не понимаю вас: «я мусульманин», «они тоже мусульмане»? Что это значит?! Я же ни вас, ни их не называл кафирами! Почему же именно вы не берете этих денег?!

– Наш шариат, называя всех мусульман братьями друг другу, запрещает мусульманину отнимать силой имущество у мусульманина же. Вы силой отняли деньги у одного бедного мусульманина, это я видел собственными глазами, и теперь часть их даете мне; я вовсе не желаю быть соучастником вашим в этом преступлении и потому-то не беру денег!

Казий рассердился на меня за эти слова, взял деньги обратно и замолчал. Я встал и вышел. Понимая, что дальше

здесь оставаться неудобно, я отправился в город и нанял арбу. Переночевав еще одну ночь в доме казия, на следующий день рано утром я простился с хозяином и отправился в путь. Через несколько дней я прибыл в Шаар-шауз.*

Это главный город одной из больших бухарских областей и справедливо назван «зеленым городом»: вокруг него множество прекрасных полей и пажитей, особенно много сеется и собирается там риса. Из ремесел этого города известны также выделка «алачи» и вышитых платков; последнее заслуживает внимания в особенности, но, к великому сожалению, до сих пор вырабатываются эти платки по старому методу, и производство их мало-помалу прекращается.

Здесь я тоже остановился в доме казия, который оказался человеком образованным и сведущим.

Однажды я сидел у казия и разговаривал с ним о городе Шаар-шаузе; начался этот разговор так:

– Господин путешественник, – спросил меня казий, – как вы находите наш город?

– Прекрасная местность, господин казий, – отвечал я, – и дивный климат! Как жалко, что он, подобно всем другим мусульманским городам, разрушается!

– Да, мы, мусульмане, никогда не заботимся о процветании страны!

– Ваша область расположена по соседству с Самаркандской, климат и плодородность её не хуже, чем в последней; неужели вам никогда не приходил в голову вопрос, почему же ваша область не так благоустроена, как Самаркандская?! Господин казий! Вам тоже известно, что в настоящее время весь мусульманский мир погибает из-за своего незнания и невежества, и не найдется ни одного мусульманина, который задумался бы над изысканием средств выйти из этого положения. Вот вы и сами изволили сказать, что мусульмане не заботятся о благосостоянии страны. Удивительно, почему это так?! В чем провинились мусульмане. Какая вина за магометанской верой? Почему же последователи Пророка Магомета стали бедными и незнающими? Почему

---

* По персидски – «шагри-сабз», что значит «зеленый город».

мусульманские области пребывают в состоянии разрушения и запустения? В чем тут вся хитрость? Ведь если бы, например, хоть один человек из каршинских и китабских ткачей алачи проживал бы в Европе, то он утонул бы в золоте и богатствах, а здесь у него нет даже хлеба насущного в достаточном количестве!! Если бы эти шаар-шаузские земли дать в руки японцам, они золото сеяли бы на них и золото собирали!! Почему же у вас он бесплодный?!! Каждый из этих вопросов должен тронуть людей размышляющих; не знаю, почему вы не интересуетесь ими?

– Брат мой! Вы ведь знаете, что наш народ еще очень неразвит и не в состоянии постичь всего этого. Люди, ум которых находится на низкой ступени развития, подобно баранам, в каждом отдельном случае подчиняются пастуху, то есть следуют за своими правителями, а я с уверенностью могу сказать, что мы, власть имущие люди, не потратили ни одной минуты из всей своей жизни для блага и счастья народа! Мысль о необходимости позаботиться об удобствах жизни народа и о благоустройении родины не приходит никому из нас в голову. Нужно, чтобы каждый правитель считал бы себя слугою, во-первых, государства, во-вторых, народа и, в-третьих, государя, потому что наша служба как правителей областей существует при наличии государства и народа; если же исчезнет народ и разрушено будет государство, ни у нас не будет власти, ни у государя. Мы ставленники государя. Его Высочество Эмир назначил меня правителем. Где? Ну, хотя бы здесь, в Шаар-шаузе. Но если бы не было ни области Шаар-шаузской, ни её населения, то моя власть была бы властью аксакала на кладбище, бессмысленной и смешной. Мы, бухарцы, если становимся правителями какого-нибудь города, то совершенно позабываем обо всем, что касается области и её населения, даже о Боге редко вспоминаем, а все свое время употребляем на то, чтобы заслужить расположение Эмира, прибегая для этого ко всевозможным дозволенным и недозволенным средствам. Удивительнее всего то, что, несмотря на все наши старания, Эмир не может быть доволен ни нами, ни нашими поступками, потому что, как бы ни был жестокосерден государь, он никогда не одобрит разрушения своего государства и обирания

населения. Да и что может достаться нашему Эмиру, если у него мало справедливых и любящих народ слуг?! Я достоверно знаю, что наш Эмир постоянно заботится об облегчении участи народа и о благоустройстве страны; но известно всем также и то, что ни у одного вельможи не видели знания и справедливого отношения ни к кому из четырехмиллионного бухарского народа. Да, Эмир наш справедлив, но большая часть из слуг его никогда не слыхала о справедливости. Вот поэтому-то наше государство и пришло в такой упадок и никогда не поднимется, если останутся такие порядки!

—Ваши рассуждения до некоторой степени правильны. Но вы говорите, что бухарцы подобны баранам, и поэтому всю вину возлагаете на высший класс и правителей. На мой взгляд, здесь виноваты как власть имущие, так и простой народ. Допустим, что жители Бухары на самом деле как бараны, но уподобляться баранам некрасиво и гадко для людей. Люди должны всегда оставаться людьми, а не делаться животными. Бог говорит в Коране: *«Мы приравняли каждого человека в добрых делах ко всем людям»** и в другом месте: *«Всевышний назначил вас повелителями всего, что есть на земле и на небе»***. Действительно, если все то, что есть на небе и на земле, не было бы подчинено человеку, как бы смогли европейцы построить и аэростаты, и аэропланы и летать на них? Подумайте сами, каким же образом те самые люди, которые, согласно Корану, есть лучшие из творений, кому подчинены земля и небо, под чьей сильной десницей гора и соломинка, железо и воск не имеют между собой разницы, могут уподобиться баранам? Почему они непременно должны брать пример в своем житье-бытье с высшего класса народа? Коран совершенно ясно говорит: *«Все, что находит человек, он находит под сенью своего старания»**, и если у него не будет этого старания, то он ничего и не получит. Пророк наш изволил сказать: *«Господь Бог*

---

* «ولقد خلقنا الانسان في احسن تقويم»

** «وسخر لكم ما في السموات والارض»

* «ليس للانسان الا ما سعى»

дает милости Свои рабу согласно его усердию и старанию»^{**}. Творец указал нам в совершенстве путь к благополучию и счастью. Прежде всего он сказал: «Я создал вас лучшими из творений всего мира»; необходимо понять здесь, что мы являемся лучшими не по красоте глаз и бровей, а только по своему уму и способностям; если же мы не будем извлекать из них никакой пользы, то будем хуже и ниже не только лучших, но даже самых худших и низших творений. В другом месте сказал: «Все, что существует на земле и небе, Я подчинил вам». Скажите мне, что из существующего на небе и на земле мы подчинили себе? Если бы вы, учась в европейских школах, узнали, каким образом европейцы строят телефон, телеграф, железные дороги, пароходы, аэропланы и т.д., то поняли бы смысл этого стиха Корана и увидели бы, сколько талантов, данных Богом, мы попираем ногами!! Далее Он говорит: «Все, что находит человек, находит под тенью своего старания; если же не будет стараться, то не получит ничего». Конечно!! Затем, Господь сотворил вас лучшими из всех созданий в отношении ума и способностей, всех прочих тварей подчинил вам; вы должны прилагать все старания к тому, чтобы эти ваши качества приносили бы пользу. Если же вы не будете стараться и зароете в землю свои таланты, то зачем же жаловаться Богу и сетовать? От правителей каких мер вы желаете? Положим, Пророк сказал: «Каждый из вас есть пастырь своих подчиненных и должен дать о них отчет Богу»^{*}. По смыслу этого изречения каждый, власть имеющий, обязан указывать истинный путь подвластному ему населению, но в силу того, что никто из наших правителей не заботится совершенно о нас и даже сами совершают преступления, необходимо самим нам прилагать старания, так как Всевышний наградил нас таким же умом и способностями, как и их, и, если мы не употребим на пользу наши дарования, то это будет очень грешно!».

* * *

Неделю я пробыл в Шаар-шаузе, а затем решил

---

^{**} «ان الله يعطى العبد بقدر تهمة»

^{*} «كلكم راع وكلكم مسئول عن رعيته»

отправиться в Самарканд. Там я прожил только одни сутки. Этот город в сравнении с Бухарою кажется цветущим и благоустроенным; только условия духовной жизни его жителей, на мой взгляд, сходны с таковыми же в Бухаре. У самаркандцев есть несколько начальных школ, из которых самая лучшая – школа Шукури, хотя и она не достойна существовать в Самарканде, так как мала и несовременна, но, во всяком случае, есть надежда, что под сенью тех забот, которыми окружают ее директор и учителя её, в скором времени она встанет на должную высоту. Хотя я остался очень доволен своим обходом самаркандских школ, однако, в конце концов, получил небольшое огорчение; это вот почему: при наличии среди самаркандских жителей большого числа ученых и образованных людей и солидных сотрудников до сего времени в Самарканде нет туземной газеты! Здесь я скажу своим самаркандским братьям: «Старание, которое есть у тебя, – надежда!».

Продолжаю описание своего путешествия. Из Самарканда по железной дороге я приехал на станцию «Хатырчи». Самый город отстоит от станции на два фарсанга, и я, чтобы попасть туда, должен был ехать совместно с шестью жителями этого города на какой-то полуразвалившейся арбе. Все мои шесть спутников были из числа почтенных и уважаемых хатырчинцев и ... совершенно неграмотны! Дорога была так плоха и затруднительна, что, если бы ее перекинули через ад вместо моста «Сират»*, то никто и не подумал бы о том, чтобы пойти в рай! Арба наша, подбрасывая своих седоков один на другого и швыряя их по сторонам, со страшным грохотом и треском мало-помалу подвигалась. Я вспомнил дорогу от вокзала в город в Самарканде и, сравнивая её с этой несчастной дорогой, подумал: «Посмотри, какое различие в путях»!

Наконец, среди адского шума и треска после четырех часов пути мы прибыли к крепости Хатырчи. Здесь я предполагал остановиться в доме правителя города, поэтому я

• *Мост, ведущий в рай; он тоньше волоса и острее меча и проходит над адом. Грешники, пытающиеся пройти в рай, сорвутся под тяжестью грехов с него и упадут в ад.*

прямо пошел к нему и передал свое рекомендательное письмо. Мне отвели комнату, и я поселился в ней.

Общее состояние этого города таково же, как и Карши и Шаар-шауза, то есть все несчастья и беды, которые падают на те города, падают и на Хатырчи, даже, пожалуй, еще в большем числе. Большая часть земель этой области не возделывается и население её очень бедно и несчастно. Я сам видел человека, который купил несколько танапов земли неподалеку от центра города, т. е. крепости, по 17 тенег за танап. Однажды я сидел на базаре в лавке чайного торговца; туда пришел какой-то землепашец и купил одну «нимчу» чаю за десять тенег в рассрочку на 10 месяцев. Я, пораженный этой сделкой, спросил у покупавшего.

– Разве вы не можете уплатить сразу эти 10 тенег?

Пристально посмотрев на меня, он ответил:

– Нет!

– А разве вы не в состоянии вносить ежемесячно по две тенги и уплатить долг в пять месяцев?

Землепашец, горько усмехнувшись, произнес:

– Вам, еще не испытывшим на себе гнева Божьего, легко достать ежемесячно по 2 тенги, а мне совершенно невозможно!

– Ну, а через 10 месяцев откуда же вы возьмете эти деньги?

– Я должен амлякдару, сборщики денег имеют за мной несколько тенег и сверх всего этого я забрал в долг много денег у ростовщиков. Срок уплаты всех этих моих долгов наступит как раз через 10 месяцев; тогда продадут несколько танапов моей земли, и вот я возьму из денег, полученных за землю, 10 тенег и уплачу этому человеку.

В один прекрасный день я разговаривал с писарем правителя по поводу бедственного положения жителей Хатырчи. Между прочим он сказал:

– На днях здесь имел место интересный случай, я вам сейчас расскажу его.

– Пожалуйста, расскажите!

– Вам, вероятно, неизвестно, что здешние земледельцы удобряют свои поля навозом. В свободное время каждый из них собирает в особое место некоторое количество

этого удобрения и, перед тем как пахать поле, кладет его куда нужно. Один из земледельцев по имени Сафар запасся заблаговременно нужным навозом. Его сосед умышленно или по ошибке отнес на свое поле немного его навоза. Сафар, узнав об этом, очень рассердился и стал ругать своего соседа. Тот не остался в долгу и, в свою очередь, принялся ругать Сафара. Дело скоро перешло в драку и окончилось в доме казия. Господин блюститель священного закона, стянув с него 200 тенег за приложение печати и 100 тенег за услуги, окончил их дело «даром». Через два дня услышал об этом раис и потребовал через посланного человека свою долю; несчастному Сафару пришлось дать и раису 100 тенег. В тот же день слухи дошли до правителя города, и мы взяли свою часть, а именно 200 тенег. Естественно, что миршаб, получив об этом сведения, прислал человека за своей долей и получил 100 тенег. Вот таким образом из-за одной торбы навоза четверо облеченных властью в этой области людей вытянули от бедного Сафара 600 тенег!!!

Слушая этот рассказ, я вспомнил историю покупки чая дехканином и спросил собеседника:

– Брат мой! Как мне довелось услышать, жители этого города не имеют сразу 10 тенег наличными деньгами. Откуда же раздобыл этот бедняга в пятидневный срок 600 тенег?

Тот, рассмеявшись, отвечал:

– Да, конечно, сами-то они не имеют при себе ни одной тенги, но, хвала Всевышнему, в городе есть много людей, разрешающих подобные затруднения и щедрых, они и дают деньги.

– Это что за люди?

– Ростовщики. Способы, какими они дают деньги, очень удивительны. Предположим, что я – ростовщик, и тот самый Сафар, нуждаясь в 600 тенгах для уплаты судебных издержек, пришел ко мне. Я соглашаюсь дать ему деньги при условии получения с него по 4 тенги в месяц с каждых 100, он поневоле готов принять это условие. Тогда я выдаю ему, но опять-таки не сполна деньгами, а половину товаром; так, например, на каждые сто тенег, просимых у меня, я выдаю:

1 «нимча» чаю . . . . . 10 тенег
10 «серов» пшеницы . . . . . 25 “-“

10 «серов» джугары .....15 -“-

Всего ..... 50 тенег

Пятьдесят же тенег я дам наличными деньгами. На 600 тенег значит придется товару в 6 раз больше, а именно:

6 «нимча» чаю .....60 тенег

1 ½ «мана» пшеницы ..... 150 -“-

1 ½ «мана» джугары ..... 90 -“-,

всего на 300 тенег и 300 тенег наличными. Бедняга с великим огорчением говорит: «Мне нужно 600 тенег деньгами, а этот чай, пшеница и джугара от какой болезни могут мне помочь?». Я грубо отвечаю: «А мне какое дело? Тащи на базар, продай!». Тот бедняга начинает упрашивать, чтобы я взял весь этот товар по какой мне угодно цене; я соглашаюсь и принимаю свой товар по такому расчету:

6 «нимча» чаю ..... .36 тенег

1 ½ «мана» пшеницы .....120 -“-

1 ½ «мана» джугары ..... 60 -“-

и, значит, вместо 300 выдаю только 216 тенег. Этот бедняга, получив только 300 тенег да еще 216 тенег за товар, всего 516 тенег, считается должным мне 600 тенег! В этой сделке обращают на себя внимание два обстоятельства: моя несправедливость и его безвыходное положение. Разберите теперь первое: дав только 516 тенег, я потребую с него 600, то есть не вынув еще из кармана этих денег, я зарабатываю 84 тенги; кроме того, он должен будет мне заплатить процентов за один год 288 тенег. Затем посмотрите на его несчастное положение: во-первых, получив всего 516 тенег, он считается должным мне 600; во-вторых, вместе с процентными деньгами долг дойдет через год уже до 888 тенег. Приняв же во внимание, что такого рода дела случаются с каждым не один раз в год, а по крайней мере раза три, можно думать, что через год долгу у такого бедняка наберется тысячи на три тенег. Сам он не имеет ни гроша, откуда же он возьмет столько денег для уплаты долга? Конечно, он должен продать свой дом и свою землю, чтобы расквитаться с кредиторами, а сам со своей семьей идти собирать под окнами милостыню! Вот это и есть одно из самых тяжких несчастий, которые падают на нашу голову!!!

Я, сильно возмущенный всем, что услышал от писаря, проговорил:

– Никогда милость Божья не осенит той страны, в которой так угнетают рабов Божьих!!

Пробыв в Хатырчи целую неделю, я отправился в Бухару. Когда на станции Хатырчи я сел в поезд, то соседями моими оказались два купца и один бухарский мулла. Вскоре я узнал, что все они едут из Самарканда в Бухару.

Поезд тронулся, и каждый занялся своим делом: купцы углубились в разговор о торговле, я, достав книгу, стал читать её, а мулла улегся спать. Мы проехали одну станцию; купцы продолжали беседовать, я углубился в чтение, только мулла не мог заснуть. Наконец ему стало скучно, и он, глубоко вздохнув, сказал, обращаясь ко мне:

– Брат мой! Эти двое – люди мирские и занимаются своим разговором; почему вы и я, люди ученые, не займемся беседой?

– Ваш покорный слуга занят книгой, почему вы не примете участие в разговоре своих спутников?

– Брат! Я человек науки, а они простые миряне, и я ровно ничего не понимаю из их разговора.

– Прекрасно! В таком случае вы им что-нибудь расскажите, может быть, они и поймут вас.

Оба купца прекратили разговор и стали прислушиваться к нашим словам. Один из них, с улыбкой взглянув на меня, произнес:

– Их милость беседовали от самого Самарканда до сих пор, не давая нам возможности что-либо сказать, а мы, несчастные, положительно ничего не могли понять из их речей.

– Вы, должно быть, плохо слушали господина ученого и потому и не понимали его; ведь речи ученых людей всегда и повсюду достойны того, чтобы их слушать, и всегда приносят пользу!

– Мы слушали хорошо, цель разговора поняли, но пользы от него ровно никакой не получили!

– Удивительно!! Не можете ли вы мне сказать, что именно из разговора господина муллы вы поняли?

– Конечно, могу! Господин ученый говорили, не

переводя духа, целых пять часов. Из всего их разговора мы поняли только следующее: покойный старший казий был прекрасный человек; несколько раз он со смехом смотрел на господина муллу и, если бы не умер, то дал бы им должность какого-нибудь большого мудариса, но, увы, он помер!! Теперешний же старший казий – человек очень несправедливый, потому что до сих пор не посмотрел, смеясь, на муллу! Посудите сами, что мы можем понять из таких речей?!

– Брат мой, – сказал мулла, обращаясь ко мне, – это люди мирские, нам не следует разговаривать с ними; давайте побеседуем мы с вами!

– Господин мулла, – отвечал я, – почему вы все время называете их мирскими людьми и как бы укоряете их?

– Они всегда заняты торговлей и заботятся о том только, чтобы стать богатыми; поэтому мы называем их мирскими людьми и не уважаем.

– Почему же вы их не уважаете?

– Потому что Пророк относительно их изволил сказать: *«Мир есть падалъ, а ищущие его – собаки»*^{*}.

– Значит, и эти два наших собрата тоже собаки?

Мулла, рассмеявшись, отвечал:

– Согласно словам Пророка, выходит так. Но ведь у нас в городе не очень-то слушаются указания шариата и всякий занимается тем, что ему больше по сердцу; если бы наш народ поступал согласно велениям Бога и Его Пророка, то все совершенно бросили бы эти дела и проводили бы дни и ночи в молитве.

– Если бы весь народ денно и ночью молился бы и не занимался бы никакими ремеслами и работами, то откуда брали бы все себе пищу и одежду?

– Бог пошлет!

– Они из простого народа и, если совершат что-нибудь противное шариату, то, конечно, не умышленно, а по незнанию, и это не грешно. А вы, люди ученые, поступаете ли по

---

^{*} „الدنيا جيفة وطالبها كلاب“

заповедям Бога и Его Пророка или нет?

– Конечно, поступаем!

– Вы говорите, что заботиться о мирских делах запретили и Бог и Пророк. А вы заботитесь о них или же, совершенно отказавшись от всего мирского, проводите день и ночь в молитве?

– Я никогда не занимался мирскими делами, а всегда по мере сил своих служил Богу.

– Так зачем же вы говорили этим купцам, что покойный главный казий был хорошим человеком и смотрел на вас благодушно, а новый – плохой, потому что не смотрит на вас так? Из этих ваших слов ясно, что и вы заинтересованы в мирских благах. Между вами и этими купцами только та разница, что они добывают свое пропитание трудами рук своих, а вы хотите получить это от благодушия главного казиза; купцы день и ночь проводят в труде и заботах, а вы изволите помышлять лишь о благосклонности вельможи!

– Брат мой! Пропитание мне ниспосылает Господь, но не непосредственно. Конечно, для этого нужен какой-нибудь способ, и вот им-то и является благорасположение главного казиза. Поэтому я считаю небесполезным иногда подумывать о нем.

– Прекрасно! Но вы опять ломаете палку о свою собственную голову: они тоже думают, что пропитание им посылает Бог, а работа является способом передачи его, и поэтому торговлю считают именно способом получения пропитания. Я опять повторяю, что способ этот для них – труд и забота, а для вас – благосклонность главного казиза. На мой взгляд, их средство, с точки зрения шариата, и лучше, и выше, чем ваше, потому что Всевышний Бог повелел: *«Нет ничего для людей, кроме их старания»*^{*}. Пророк изрек: *«Люди, которые, утомившись на пути чистых желаний, уснули, спят, и Бог отпустит их грехи»*^{**}. В другом месте сказал: *«Один из вас, взяв*

---

^{*} „إليس للإنسان إلا ما سعى“

^{**} „من بات كالا من طلب الحلال بات مغفورا“

веревку, идет на гору, собирает там дрова, продает, деньги эти расходует и, если возможно будет, творит милостыню; во всяком случае это будет лучше, чем просить на свое пропитание у других»^{*}. Каждый из этих стихов и изречений восхваляет труд и старание и прославляет работающих, а вас и подобных вам порицает и укоряет как попрошайек!

– А что вы скажете относительно изречения, которое гласит: «Мир есть падалъ, а ищущие его – собаки».

– Где вы изволили видеть это изречение?

– Слышал.

– Мне кажется, что изречение, сказанное вами, вовсе не принадлежит Пророку.

– Нет, нет! Это, наверно, изречение самого Пророка Божия, потому что я слышал его от своего учителя.

– То обстоятельство, что вы слышали это от учителя, не может служить доказательством подлинности данного изречения. Ведь вы, наверно, знаете (?), что на свете есть очень много изречений, но не все они от Пророка, да будет над ним мир, а большая их часть создана потом и ложны. Имам Мухаммад бин Измаил Бухарский для того, чтобы написать свою книгу «Сахихи Бухари», собрал 600 000, а из этого числа выбрал только 9 200 изречений вполне истинных и записал их в эту книгу, так что три тысячи из них повторяются. Итак, на взгляд Имама Бухари, из тех 600 000 изречений достоверными оказались только 6 000. Затем я доложу вам еще следующее: Имам Бухари покинул этот грешный мир в 256 году хиджры; значит, в 200 с небольшим лет, то есть со времени Пророка, да будет над ним мир, и до Имама Бухари, появилось более 600 000 сомнительных изречений; кто же может знать, сколько миллионов их появилось со времени Имама Бухари и до наших дней, то есть за 1070 лет? И поэтому на достоверность изречения не может указывать то, что вы слышали его от учителя.

---

^{*} „لان يأخذ احدكم حبله ثم يغدوا الى الجبل فيحطب فيبيع فيأكل ويتصدق خير له من ان يسئل الناس“

Один из купцов сказал:

– Оставьте этот вопрос и возвратитесь к прежней теме. Всем известно, что торговля в нашей Бухаре очень отстала, и я должен признаться, что для этого есть много причин. Нельзя не указать, что одной из этих серьезных причин служат наши улемы и шейхи, так как они сплетают столько рассказов и новых изречений относительно того, то нельзя прилагать усилий к тому, чтобы разбогатеть и поднять торговлю, что совершенно выгнали из головы нашего народа мысль о богатстве и торговле. В самом деле, теперь я, несмотря на то, что занимаюсь торговлей давно, не чувствую никакого влечения к ведению своих дел, потому что убежден, что стараться приобретать мирские деньги противно Божьему велению.

– Действительно, этот вопрос достоин обсуждения. Помоему, для каждого народа нужна и торговля, и обладание капиталами, если рассуждать здраво; нужна она и с точки зрения шариата: вы не найдете ни во всем Коране, ни в Хадисе ни одного слова, которым бы запрещалась мусульманам торговля. Наоборот, Господь и Его Пророк дали много великих приказаний относительно распространения этого занятия. Прежде чем процитировать те приказания, я попробую доказать это своему оппоненту одним ясным и понятным примером: каждому из вас известно, что у мусульман есть пять священных обязанностей: исповедание Бога, пост, молитва, милостыня и паломничество в Мекку. Всякому понятно, что для подачи милостыни и совершения паломничества нужны деньги, и люди, не имеющие денег, лишены возможности исполнять эти обязанности. Хотя молитву и пост совершают и бедные люди, но мы должны признать, что молитва и пост богатых и обеспеченных лучше, чем бедных, так как одним из условий хорошей молитвы является то, чтобы внимание молящегося было направлено ко Всевышнему Богу, а бедные нищие, голова которых занята мыслями о куске хлеба на завтрашний день, не могут никогда отвлечь своего внимания от мирских забот. Так же и в пост: богачи привыкли есть в полдень вкусный обед, и натура их требует его. Поэтому они, исключительно для того, чтобы заслужить милость Божью, отказываются от него и сидят голодными до вечернего намаза; поэтому в посте богачей видно

подчинение Божьему велению, чего нет у нищих, прости их Господи!

Посмотрите, как прекрасно говорит об этом наш мусульманский философ Шейх Саади:

«Если сила в щедрости и могущество в земных поклонах, все это легче удастся богачу, потому что у него имущество очищено милостыней, платье чисто, честь сохранена и сердце спокойно. Сила подчинения в приятном куске и искренность молитвы заключается в чистом платье».

«Какая сила от пустого желудка и какая щедрость от пустой руки?»

«У богачей есть и вакуфы, и гостеприимство;

Милостыня, стол для разговенья, освобождение рабов и жертвы;

Ты же, когда можешь достичь их счастья, если не можешь

Сделать эти два рика'ята* и то с сотней грешных мыслей?»

Вот мы дошли до исповедания Бога, где выказывается вера в Единство Бога и свидетельствуется пророческая миссия Пророка. Подтверждение этих положений делается сердцем верующего, а определение – языком; как для того, так и для другого положительно необходимо немного знаний, а чтобы получить эти знания, нужны деньги. Итак, и для исполнения этой священной обязанности надо иметь средства. Теперь ясно стало, что для правильного соблюдения всех пяти основных положений Ислама необходимо обладать деньгами. Об этом и Пророк, да будет над ним мир, сказал: *«Нищий близок к неверности»** и *«Ищите убежище у Бога от бедности и нужды»***.

Мулла, рассердившись на меня за эти слова, сказал:

– Все эти ваши речи не имеют никакого значения по двум причинам: во-первых, все процитированные вами

---

* См. указатель.

* *كاد الفقر ان يكون كفرا*

** *استغثوا بالله من الفقير و عيلة*

священные изречения ложны, так как Пророк никогда не порицал нищих, а даже говорил: *«Бедность – мое достояние, и я горжусь ею»*^{*}; во-вторых, вы говорите, что нельзя исполнять правильно всех пяти основных обязанностей мусульманина, не имея денег; но ведь все бухарские улемы – сторонники бедности, однако все эти обязанности исполняют правильно и точно!

– Господин мулла! Во-первых, та бедность, которой гордился Пророк, да будет над ним мир, вовсе не нищенство, а «подчинение души своей воле Божьей»; такого рода бедность может быть и у богатых людей: так, какой-нибудь богач может совершенно не соблюдать поста в месяц Рамазан и днем варить себе разнообразные кушанья внутри дома, тайно, и кушать их, а ночью устраивать у себя приятные собрания и даже употреблять спиртные напитки. Но никто не делает этого! И без всякого принуждения и отвращения, а исключительно для исполнения заповеди Бога, днем соблюдают пост, а ночью присутствуют на молитве с двадцатью земными поклонами. Вот это и называют «подчинение души своей воле Божьей», и это же и была та самая бедность, которой гордился Пророк. Во-вторых, вы называли бухарских улемов поощряющими бедность; верно, они поощряют бедность, но сами-то вовсе не бедны; ваши ученые желают бедности не себе, а только другим. Их цель называется так: *«Ты не тронь, чтобы я не взял!»*.

Теперь возвращусь к первоначальной теме: относительно собирания денег и поощрения торговли в шариате есть много указаний. Некоторые из них я сейчас доложу вам: в четвертой главе Корана Господь Вседержитель изрек: *«Не давайте своего имущества глупым и неблагородным, так как Господь Бог сотворил богатства ваши как причину продолжительного вашего благополучия и выгоды»*^{**}. Пророк изрек: *«Правдивый и честный купец будет в одном месте с пророками и убитыми за веру»*^{***} и далее: *«По*

^{*} „الفقر منى وبه افتخر“

^{**} „ولا تؤتوا أسفها أموالكم التي جعل الله لكم قياماً“

^{***} „التاجر الصديق الأمين مع النبيين والصديقين والشهداء“

соответственности, которую любит Всевышний, благочестивого раба – богачу»*. Вот из моих объяснений и стало понятно, что мусульманский шариат вовсе не запрещает торговли и богатства, а даже поощряет. Но при этом необходимо заметить, что, хотя закон разрешает торговлю, но строго запрещает скупость, мотовство и корыстолюбие. Следовательно, кто подчиняется указаниям Бога и Пророка, тот должен заниматься торговлей и копить деньги, воздерживаясь от скупости, корыстолюбия и мотовства.

В это время поезд остановился; я спросил, какая это станция? Мне отвечали, что Кермине. Один из купцов вышел из вагона и принес хлеба и чаю, и мы все вместе стали закусывать. Мулла тоже вышел на платформу и стал прогуливаться; затем он вернулся в вагон, но на этот раз сел на другое место, подальше от нас. Мы же снова начали беседовать.

– Я очень благодарен вам за ваши речи, – сказал купец, – бухарские муллы постоянно называют нас «мирскими людьми» и относятся к нам с пренебрежением.

– Очень жаль! Если богачи не будут держаться вдали от правды и щедрости, достойны будут согласно здравому смыслу и закону похвалы и одобрения. Обратите внимание на следующее: где мусульмане изучают свою религию? – в медресе; где молятся Богу? – в мечетях. Кто же построил эти мечети и медресе для нас? Богачи. В таком случае богачи достойны похвалы, а не порицания и презрения!

До сих пор я вам разъяснял, что наша религия не запрещает заниматься торговлей, не упоминая ничего о другом вопросе. Теперь поговорим о нем.

Интересно, почему мусульманская религия поощряет торговлю? Потому что вопрос о торговле связан с вопросом о жизни и смерти человечества. Устранить какую-нибудь нужду человечества невозможно без вмешательства торговли. Ваш великий предок Эмир Тему^{**}р сказал: «Мир не успокоится иначе, как в тени торговли». Особенно в наши дни торговля

---

* *إن الله يحب العبد التقي الفنى*

** *Тамерлан.*

имеет большое значение. В прежние времена цари и правители мира вели войну или заключали мир друг с другом исключительно из-за своих личных выгод. Если вы внимательно рассмотрите прежние войны, то увидите, что поводы к ним были приблизительно одинаковы и таковы: один царь не пожелал выдать свою дочь за другого или не оказал почестей и уважения его послу, а второй, обидевшись, сейчас же посылает против него войска. Основным же поводом к войнам в наши дни является исключительно торговля. Например, какое-нибудь государство, делая большие успехи, отправляет своих людей в другое, более слабое, государство для распространения своих товаров и, получив там некоторые привилегии, открывает путь для торговли в эту страну. Через некоторое время, как только туземцы каким-нибудь способом нанесут ущерб их торговле, тотчас же посылают против них войска и какими только возможно путями стараются забрать себе всю землю. Если же в этой стране ведет торговлю другое какое-нибудь сильное государство, тогда оно, тоже для защиты своих торговых интересов, выставляет свои войска и начинает войну. Таким образом, получается, что два больших государства в стране третьего, постороннего, несут большие расходы, стягивают войска, начинают войну – и все из-за торговли!

– Удивительно! Почему же эти государства несут такие потери из-за охраны своей торговли? Предположим, что двое-трое из жителей какого-нибудь государства получают выгоду или несут ущерб; а целым государствам-то какое до этого дело?

– Эти все государства расходуют все получаемые с какой-нибудь подвластной им области деньги на эту же самую область, а пользу получают только от торговли, которую ведут там. В настоящее время, например, Индия находится в руках англичан, но из податей, собираемых с Индии, ни одной копейки не попадает в английскую казну, все тратится на благоустройство самой же Индии, а Англия довольствуется лишь доходами от торговли, и пока у неё есть душа, будет защищать свою торговлю. Всем известно, что если бы в Индии немецкие купцы вытеснили английских, то англичанам стало бы безразлично, существует ли сама Индия или нет.

Теперь разберемся немного в теперешней торговле,

которой занимаетесь вы, бухарцы. На мой взгляд, теперешняя ваша торговля вовсе не та, относительно которой Пророк, да будет над ним мир, дал свои приказания, а совершенно другая, даже не похожая на ту. Пророк же приказал заниматься такой торговлей, которую в настоящее время ведут европейцы, торговлей, дающей пользу; вы же до сего времени занимаетесь этим делом совершенно не для того, чтобы извлечь пользу, а исключительно из-за своего честолюбия. Например, в этом году в Бухаре такой-то бай скупает 60 000 каракулевых шкурок. Зачем? А потому что другой бай скупил столько же и едет торговать к «Макарию»^{*}. Почему? А только потому, что ему захотелось прокатиться. Такого рода занятия не называются торговлей, и всякий народ, считающий эти забавы торговлей, непременно должен разориться и исчезнуть.

Для подкрепления этого моего мнения мы сделаем некоторое расследование; я спрошу у вас: бухарские купцы несколько лет тому назад занимались торговлей хлопком, а теперь почему бросили это дело?

– Потому что получили большие убытки от этой торговли.

– Ну а теперь, после того, как бухарцы прекратили торговлю ватой, иностранные купцы ведут эту торговлю или тоже бросили?

– Теперь очень много чужих купцов приезжает в Бухару для скупки хлопка и делают большие дела.

– А эти иностранные торговцы так же, как и бухарские, несут убытки или же получают барыши?

– Если бы они несли убытки, то прекратили бы скупку хлопка; а так как они дела этого не прекращают, а напротив, год от года расширяют его, то очевидно, что они не терпят убытков, а получают выгоды.

– Поразительно! Бухарские купцы, несмотря на то, что сами они уроженцы этого города и знают все «и высокое и низкое» его лучше, чем иностранцы, почему-то несут убытки от торговли хлопком! Почему? Вторые же, будучи чужими в Бухаре, не зная местных нравов, обычаев и путей, получают барыши! Каким же

---

^{*} Нижегородская ярмарка.

образом?

– Иностранцы все заводы и машины выстроили и установили сами. В этом отношении мы зависим от них, и поэтому наши расходы превышают их расходы, и мы несем ущерб.

– Это не является причиной ваших неудач; есть другая, серьезная причина, а именно: иностранные купцы находятся в согласии и единодушны, а вы как раз напротив. Вы постоянно пускаете по ветру свои капиталы из-за конкуренции с кем-либо другим. Во время скупки товаров у вас главная цель та, чтобы превзойти какого-нибудь другого бухарского купца, купить товару больше, чем он, и нанести ему убытки. Поэтому в большинстве случаев бывает так, что вы, соперничая друг с другом, покупаете хлопок чуть не в четыре раза дороже, чем в Москве, и несете убытки. При покупке каракулевых шкурок вы поступаете по тому же самому гадкому обычаю. Иностранные же купцы не таковы: они, прежде чем прийти на базар и покупать что-нибудь, собираются где-нибудь и совещаются; узнав, что в Москве стоимость пуда хлопка 15 рублей, они решают не покупать здесь дороже 10 рублей и после этого идут уже на базар; там скупают товар, твердо держась принятого решения. Как только цена ваты поднимется до 10 рублей 15 коп., все согласно между собою закрывают кошельки; продавцы поневоле должны опять понизить цену на 15 коп. и продать свой товар по 10 рублей.

Теперь, если мы соединим ваше мнение и мое, получим в результате следующее: во-первых, иностранные купцы находятся в согласии между собою и единодушны, вы же – нет; во-вторых, они имеют собственные заводы, вы же – нет; и затем добавлю еще от себя, в-третьих, они изучали в продолжение нескольких лет специальные коммерческие науки, вы же – нет! Итак, они получают барыши, а вы несете убытки. По этой самой причине они отняли у вас всю торговлю хлопком и шелковичными коконами; я могу с уверенностью сказать, что, если это несогласие, отсутствие обрабатывающей промышленности и невежество в самом непродолжительном времени не исчезнут из вашей среды, то они возьмут от вас и торговлю каракулевыми шкурками. Какое же средство против этого? Что нужно делать, чтобы торговля не уходила из ваших рук? Я доложу вам и это: во-первых, вам необходимо быть согласными и единодушными между собою; ясная

мусульманская вера тоже предписывает нам быть во всех случаях таковыми. Ах!... Если бы наши ученые получше разъясняли это великое приказание Божье, а мы исполняли бы его, то теперь не встречались бы с такими губительными несчастьями! Во-вторых, вам нужно самим иметь собственные фабрики. Надо сознаться, что теперь в Бухаре мало таких купцов, капиталов которых хватило бы и на постройку фабрик, и на ведение торговых предприятий. Но нет никакого сомнения, что если бы десять бухарских купцов сложили бы вместе свои капиталы, то можно было бы на эти деньги выстроить четыре фабрики, и хозяева их могли бы прекрасно продолжать вести торговлю. Европейцы теперь поняли необходимость существования «товариществ» и призывают соотечественников к учреждению их. Пророк же, да будет над ним мир, тысячу триста лет тому назад сказал своим последователям так: *«Всевышний Бог говорит: двум товарищам, которые не будут делать измены друг другу, Я окажу свое покровительство, а если только выкажут вероломство по отношению один к другому, будут лишены Моего покровительства»*^{*}. В-третьих, вам следует посылать своих детей в специальные школы для получения ими коммерческого образования, потому что вы не сможете сравняться с иностранными образованными купцами, пока не будете сами образованы. Об этом Всевышний Бог говорит в Коране так: *«Люди, которые не знают, не сравниваются с людьми, которые знают»*^{*}.

Есть и еще один пункт, о котором я расскажу вам: цель торговли – это получение денег, но способы получения денег разные, не одна только торговля, есть еще много других, например, добыча руды и ремесла. К сожалению, вы, бухарцы, ни с тем, ни с другим не знакомы! В настоящее время в Бухарских владениях есть множество залежей золота, меди, железа, каменного угля, нефти и проч., но какая от них польза, если вы до сего времени не разрабатываете их?! Повторяю: вам прямо-таки необходимо образовывать товарищества, отбросить в сторону все разногласия и

تعالى: انا ثالث الشريكين مالبيخن احدهما صاحبه فاذا خانه خرجت من بينهما»^{*}
قال الله

«هل يستوى الذين يعلمون والذين لا يعلمون»^{*}

раздоры, стараться и извлекать пользу из всех этих Божьих даров, которые под землей ожидают вашего труда и стараний. Разрабатывать же их и извлекать из них выгоды нужно исключительно новыми способами, то есть фабриками и машинами.

Не забудьте также и того, что если вы, бухарцы, согласно моим словам, не будете по возможности скорее пользоваться этими Божьими милостями, то, без сомнения, те же иностранные купцы в самом близком будущем завладеют этими рудниками и поставят над каждым из них благотельные фабрики и машины. Будут получать множество денег, дадут работу тысячам рабочих. Тогда ваши же дети поневоле должны будут подставить свою шею под их работу! Точно так же обстоит дело и с ремеслами: в настоящее время в вашей стране есть один род ремесла, как, например, выделка «алачи» и прочего, но все это вырабатывается старыми способами, и, если вы не перейдете на новые, то все эти ремесла тоже уйдут из ваших рук^{**}.

В это время раздался свисток паровоза и кто-то сказал: «Приехали в Каган». Все стали связывать свои вещи. Поезд остановился, я вышел и, сев на фазтон, отправился к своему другу, у которого останавливался раньше. Он очень обрадовался моему приезду. Пробыв три дня в Бухаре, я отправился в свое дорогое отечество.

«Цель наша – дать добрый совет – и мы сказали;

Поручив вас Богу, мы уехали».

---

^{**} *Подробное объяснение этого я делал раньше и считаю лишним повторять. (Авт.).*

КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ туземных слов, встречающихся в тексте

Азан – призыв на молитву.

Аксакал – старшина (сельский, базарный и пр.)

Амлякдар – должностное лицо в Бухаре, на обязанности которого преимущественно лежит сбор податей.

Асхаб – собственно «сотоварищ»; так мусульмане называют первых последователей Магомета.

Бай – богач.

Вакуф – «пожертвование»; богатые мусульмане, умирая, обыкновенно жертвуют какому-нибудь богоугодному заведению или школе участок земли так, что доход с них идет в пользу данного учреждения, а самая земля не может быть продана.

Дехканин – земледелец, крестьянин.

Диван-беги – управляющий домом; дворецкий.

Имам – лицо, стоящее во время молитвы в мечети впереди всех молящихся и которому все подражают в молитвенных действиях.

Казий – судья.

Кафир – неверный, немусульманин.

Мазар – могила, склеп.

Ман – мера веса = 8 пудов.

Медресе – мусульманское высшее учебное заведение.

Миришаб – полицейский в бухарских городах.

Мударис – (вернее, мударрис) лектор, профессор в медресе.

Муджтехид – ученый, достигший высшей степени знаний закона и могущий толковать Коран.

Мулла – ученый, образованный человек или духовное лицо.

Мултук – туземное ружье.

Муфтий – адвоката, законник; помощник казия.

Намаз – молитва. У мусульман есть пять обязательных ежедневных молитв:

- 1) Намаз «субх», или «бамдад», за час до восхода солнца.

- 2) Намаз «зухр», или «пишин», в полдень.
- 3) Намаз «аср», или «дигар», за час до заката солнца.
- 4) Намаз «магреб» или «шам» после заката солнца.
- 5) Намаз «шам», или «хуфтен», через час после заката.

Нимча – мера веса = 1 $\frac{1}{4}$ фунта.

Нийят – «намерение». Всякий мусульманин, прежде чем предпринять чего-либо, должен высказать, хотя бы про себя, свое намерение или цель, то есть для чего и зачем он хочет сделать данное дело. Самое дело может быть дурное, но если намерение хорошее, то дело не влечет за собой греха, и наоборот.

Пир – основатель духовной секты; благочестивый, уважаемый старец, имеющий последователей и почитателей.

Раис – блюститель порядка в городе и нравственности у жителей.

Рамазан – месяц, в который постятся мусульмане.

Рика'ят – цикл молитвенных движений мусульман; каждая молитва (намаз) состоит из нескольких рика'ятов.

Сер – мера веса = 8 фунтов.

Суфий – прислужник в мечети.

Танап – мера земли = $\frac{1}{4}$ десятины.

Танга – бухарская серебряная монета = 15 коп.

Турсук – кожа, снятая целиком с козла или теленка и употребляемая для переноски воды, плавания и проч.

Улем – ученый.

Факих – юрист.

Фарсанг – мера длины = 8 верстам.

Хаджи – паломник в Мекку и Медину.

Хадж – паломничество в Мекку и Медину.

Хадис – изречения, оставшиеся от Магомета.

Хауз – пруд; яма, наполняемая водой или для сохранения её, или для того, чтобы дать возможность мутной воде отстояться.

Худжра – келья; отдельная комната в медресе или караван-сараяе.

Хутба – молитва, которую читают по пятницам в мечети, содержащая в себе прославление единства и качеств Бога, испрашивание благословения Его над пророком

Магометом, его семейством и над царствующим государем.

Шейх – старшина племени, рода; вельможа.

Юз-баши – начальник ста человек солдат в бухарской армии; фельдфебель.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Напутствие читателю	5
Предисловие к изданию	7
Предисловие	11
Ученые (улемы)	11
Правящие (эмиры)	12
Жители	13
Краткое объяснение туземных слов, встречающихся в тексте	95

Абдурауф ФИТРАТ

**РАССКАЗЫ
ИНДИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА
(БУХАРА, КАК ОНА ЕСТЬ)**

Редактор В.Г. КАН

*Изд. № М-618 Подписано в печать 08.05.2007
Тираж 300 шт., уч. изд. листов 5,5. Заказ №*

*Издательство « ФАН » АН. РУз. :
100047, Ташкент, ул. акад.Я. Гулямова, 70.*

*Отпечатано ДП « PATENT-PRESS » :
100047, Ташкент, ул. Тойтепа, 2А. тел. 136 00 88*